

И все-таки я уснул. Должно быть, бог Тендзимонтен, которому я молился накануне, чтобы долететь без сюрпризов, услышал меня, и я заснул в попутной машине, пойманной у аэропорта. Когда же открыл глаза, то первое, что я увидел, было лицо дедушки, склонившегося надо мной, а уже после почувствовал его руку, треплющую меня по плечу.

— Юкине, — звал меня дедушка.

— Юкине, очнись! Слава богам, ты вернулся.

«Какая легкая, почти невесомая у него стала рука», — подумал я и окончательно проснулся.

Дедушка был очень рад меня видеть. Он улыбался широкой, беззубой улыбкой, а его живые, подвижные глаза увлажнились. Прежде я никогда не видел его настолько растроганным, разве что когда он выпивал много пива или выигрывал в сеги.

За то время, пока меня не было, он изменился. Дедушка растил меня с детства один, и я привык к нему, как к двухсотлетнему дереву, что растет у нас возле храма, которое, честное слово, никогда не меняется. А сейчас, спустя год, я впервые увидел, как он постарел. Дедушка снял панаму, чтобы помахать ею вслед водителю, и оказалось, — он побрил голову.

— Как ты, дедушка? — спросил я.

— Хорошо. Жарко сегодня. Пойдем поскорее в дом, поедим, пока не остыло.

Мы зашли внутрь. Все здесь было как прежде, каждая вещь была на том месте, на котором я ее помнил. Даже воздух казался мне точно таким же, каким я дышал год назад, до того, как уехал в город учиться.

— Дедушка, — позвал я.

Мне никто не ответил, но не успел я опустить чемодан, как он сам окрикнул меня, и мы сели обедать.

Ели мы молча, слышен был только стук палочек по тарелке. Обоим нам конечно было, что рассказать, но наладить связь после долгой разлуки оказалось непросто. И проблема тут, конечно, не в расстоянии, а в том, что к нему привыкаешь.

— Дедушка, — нарушил молчание я.

— Что, Юкине? Ты совсем мало ешь.

— Календарь.

— Что с ним? — он обернулся.

— Сейчас год Обезьяны.

— Точно? А я и забыл. Хорошо, что ты приехал, в последнее время я много чего стал забывать. Пройдет еще немного, может быть год, и я стану, как тот наш дурак, старик Саказуки.

— Не говори так.

— А что? Должен тебе признаться Юкине, я все чаще забываю поесть. То, что сегодня на столе рис с мясом, так это только потому, что мой дорогой внук вернулся. Мне есть чем гордиться.

Тут я почувствовал нечто вроде угрызения совести. Главным образом оттого, что была еще одна причина, по которой я был обязан вернуться. Но спросить прямо об этом я не мог. Мне было стыдно. Поэтому я начал издалека.

— Кстати, раз ты напомнил, как поживает старик Саказуки?

— Этот болван? — дедушка отложил в сторону палочки. — Как всегда. Я заходил к нему недавно, и он выпросил у меня садовые ножницы, да так и забыл их вернуть. Представь себе, совершенно новые ножницы. Я сам ими не пользовался. Надо бы сходить к нему, забрать обратно, никто не знает, когда они могут мне снова понадобиться.

Я засмеялся.

Старик Саказуки, или пустая голова Саказуки, как его еще называли, был единственным другом моего дедушки и к тому же его партнером по игре сеги. А началось все много лет тому назад, когда старик Саказуки, с которым никто особо никогда не общался, начал брать у соседей вещи взаймы и всегда забывал вернуть их.

Конечно, и человеческая доброта имеет пределы, и вскоре мы остались последними, кто ему еще помогает. Первое время дедушка не придавал этому никакого значения, но в конце концов забранного становилось так много, что мне или ему приходилось идти и все возвращать.

И каждый раз старик Саказуки был чрезвычайно рад нашему появлению. В общем, так они сдружились. Дедушка кричал, возмущался, говорил, что на этот раз его терпенье точно исчерпано и что Саказуки дурак.

Но я думаю, что он так делал не потому, что сосед дурак, а потому, что он был совсем одинокий. Никого, кроме нас, в деревне у него не было, единственная дочь давно уехала в город.

К тому же со временем его стали подводить старые ноги. Ходить свободно он больше не мог, и потому он хотел, чтобы мы его навещали. Подозреваю, что и дедушка об этом догадывался. По крайней мере, когда старик Саказуки приходил к нам, он никогда ему не отказывал. Напускная злость — вместо жалости. Очередной ход в их партии в сеги.

— Эй, Юкине? Юкине, ты меня слушаешь? — позвал меня дедушка.

Я кивнул.

— До ножниц он взял у меня дуршлаг, до дуршлага — фонарик, до фонарика... Что же он взял у меня до фонарика? По-моему, нитки. Да, нитки. До ниток — батарейки, до батареек...

Тут дедушка неожиданно замолчал. Вопрос вертелся у меня на языке, но я не знал, как спросить.

Но внезапно дедушка заговорил сам.

— Помнишь ту красивую женщину, что навещала тебя, когда ты лежал в больнице. Как же ее тогда звали?

— Огава, — подхватил я, — Миюки Огава.

Сердце мое учащенно забилося.

— Да точно. Госпожа Огава заходила ко мне в храм после твоего отъезда. Мы долго с ней тогда говорили. Она все интересовалась тобой. Спрашивала, что да как, куда поступил. Хорошая девушка.

— Она еще здесь? — выпалил я слишком быстро, так быстро, что даже ударился коленом об стол, и тарелки на нем подскочили.

— Дай-ка подумать... Нет. Она зашла попрощаться...

На мгновение я потерял дар речи. Но, найдя в себе силы, все же спросил:

— Она сказала, куда направляется? Хоть что-то?

— Нет, но... — дедушка медленно встал и, подойдя к старому комоду, вытащил из верхнего ящика что-то. После он вернулся ко мне.

— Вот, — сказал он, протягивая мне ключ. — Госпожа Огава просила меня поблагодарить тебя и в знак признательности передать тебе это. Она сказала, что ты можешь пользоваться им по своему усмотрению.

Я взял ключ. Ничем не примечательный, он лежал на ладони, слегка холодя мою руку.

— А телефон? — вдруг опомнился я. — Она оставила тебе телефон?

— Нет, я же уже говорил, она ничего, кроме ключа, не оставила. Да я и не просил. А надо было, Юкине?

Я покачал головой.

Все было кончено. Последняя нить оборвалась, и несбывшиеся грезы, подобно воздушному змею, улетели туда, откуда мне их теперь никогда не достать.

— Что-то не так, Юкине? — забеспокоился дедушка, видимо, заметив, как я изменился в лице.

— Нет, все хорошо, — сказал я.

Дедушка пристально посмотрел на меня, как бы про себя говоря: «И этому тебя научили в городе, врать». Но вслух ничего не сказал.

— Убери со стола, как закончишь, — сказал он, надевая панаму, в которой обыкновенно работал на улице. В дверях он остановился и, глядя в небо, сказал:

— Сегодня обещали дождь, но эти облака... Похоже, что будет жарко. Слышишь, как гудят насекомые?

Он обернулся.

— Нет, — сказал я.

— Это потому, что ты все еще там. Я буду в храме, если тебе что-то понадобится. А что касается госпожи Огава, хорошая была девушка, жаль, что уехала.

Как только он ушел, я разжал руку, в которой был ключ. Боль уходила, и кожа принимала здоровый оттенок. Да, мысленно я был там...

Деревня, в которой мы живем, совсем небольшая. Она находится в скромной долине, с трех сторон окруженной холмами. Из-за разницы давлений над деревней часто образуются облака и идет дождь. Когда дожди идут слишком часто, гибнут растения, и потому жители стараются отсюда поскорее уехать.

Порой дедушка начинает вспоминать время, когда в деревне было около тридцати тысяч жителей и весной, особенно во время фестиваля, устраивались шумные праздники. С тех пор прошло много лет, и сейчас в деревне едва ли сохранилась и тысяча. Тысяча человек, отлично разбирающихся в облаках...

Дедушка говорит, что это все потому, что в нашем уголке моря, как специально, не водится рыба. Наверное, он прав, и в конце концов от нашей деревни не останется ничего, кроме названия «Долина дождевых облаков».

Ну а пока время здесь словно остановилось. Месяцами ничего не случается, а самая интересная новость — прогноз погоды. Тем необычной был приезд нового человека в нашу глухую деревню.

В тот весенний вечер я возвращался на велосипеде от старика Саказуки, и у меня за поясом висели садовые перчатки, которые он у нас взял. Я хорошо помню

то время, весна пришла слишком рано, принеся с собой многообещающий аромат свежих листьев и холодный вид желтой травы.

Но, что самое главное, в тот день не было ни облаков, ни дождей, и небо было чистым, как озеро, на дно которого неизвестным были заброшены звезды. Я ехал, наслаждаясь погодой и одновременно пытаюсь отыскать самое легкое, по моему мнению, созвездие — созвездие Большой Медведицы. Это оказалось не так уж и просто, и когда я нашел уже третью медведицу, то вдруг заметил, что в доме, который давно считался заброшенным, горит свет.

Оставив велосипед на дороге, я медленно приблизился к окну и заглянул внутрь. Сквозь грязные стекла ничего не было видно, кроме тусклого огонька, вероятно свечи. Однако по мелькавшей внутри тени я мог точно сказать, что внутри кто-то был. Вор? Но что можно взять в доме, который пустует несколько лет.

Наверное, потому, что в Долине дождей ничего не случается, мной овладело желание выяснить, кто это был. Пригибаясь, словно это у меня были злые намерения, я направился к двери. И, пока шел, споткнулся о палку. Недолго думая, я взял ее с собой как оружие.

Внутри дом был ничем не лучше, чем казался снаружи, такой же ветхий и брошенный, только в конце темного коридора из комнаты узкой полоской пробивался свет. Словно замороженный, я пошел прямо к нему. Но внезапно, когда я был уже совсем рядом, свет оборвался и вместо него на стене выросла гигантская тень с длинными, как и положено тени, руками. От неожиданности я чуть не отпрыгнул, но вовремя взял себя в руки. Покрепче сжав палку, я приблизился к краю, и в это мгновение из комнаты мне навстречу кто-то шагнул. Тут уж самообладание покинуло меня, и я, вскрикнув, упал.

— Привет, — сказал неизвестный.

Но я ничего не видел, не слышал. Мне было больно и обидно, главным образом оттого, что я не смог устоять. В глазах моих застыли слезы, которые еще надо было смахнуть. Я отвернулся...

— Поднимайся, здесь неподходящее место, чтобы лежать.

Помню, как опустилась рука, такая легкая, что казалось, сквозь нее видно свет. Так я оказался опять на ногах.

— Не ожидала, что в первый же день у меня будут гости. Как твое имя?

— Юки-не.

Я поднял голову, прямо передо мной была женщина. Я никогда прежде не видел таких. В тот момент я впервые почувствовал, что женская красота — часть природы. Ее явление. Как высокая волна или необыкновенное облако. Даже спустя год я могу с уверенностью сказать, что не видел человека красивей. У нее были длинные, прямые черные волосы, резкие брови. А большие глаза и узкое лицо добавляли ее облику чувственности и нереальности.

— Что ты здесь делаешь, Юкине? — спросила она.

— Я... то есть этот дом долгое время простоял безлюдным. А сейчас, проезжая мимо, я увидел свет и решил посмотреть.

— А тебе известно, кто здесь жил раньше?

— Знатная семья Огава. Дедушка говорил, что когда-то они управляли этими землями.

— Это было очень давно...

— Дедушка говорил, они уехали много лет назад, когда у них родилась дочка.

— Все верно. Я и есть та самая девочка. Меня зовут Миюки Огава.

— Юкине, — забывшись, повторил я.

Она улыбнулась. Не в силах устоять, улыбнулся и я, такая в ней была невероятная сила очарования.

— Приятно с тобой познакомиться, Юкине, а теперь можешь уже отпустить мою руку.

Я тут же выпустил ее руку так, как будто это было что-то горячее, и покраснел.

— Простите! Простите меня, пожалуйста! — выкрикнул я и быстрее, чем успел осознать, склонился в низком поклоне.

— Ничего страшного, — сказала Миюки, дотронувшись до моего плеча.

Повисла пауза, но не неловкая и не пустая, а наполненная чем-то тревожным, одновременно волнующим, когда точно знаешь, что через несколько минут пойдет дождь. Неожиданно госпожа Миюки спросила, сколько мне лет.

— Семнадцать, — внезапно сказал я, а потом исправился. — Пятнадцать.

Мне и правда было пятнадцать, к тому же, еще и исполнилось в этом году. Госпожа Миюки опять улыбнулась, а я отвернулся. Тогда я еще ничего о ней не знал и подумал, что, наверное, со стороны это было и правда смешно.

Затем она сказала, что теперь и я могу спросить у нее что-нибудь, так будет честно. Растерявшись, я спросил, сколько ей лет... Вместо ответа госпожа Миюки поинтересовалась, не умею ли я ставить газовый баллон. После такого количества неудач я был просто счастлив помочь. Это заняло пару минут, только я перепачкался.

— Подожди, — сказала госпожа Миюки.

Воды в доме не было, и она достала из сумки бутылку.

— Давай я тебе помогу.

Было приятно ощущать ее так близко, как будто вода, которая лилась мне на руки связала нас вместе. Не хотелось, чтобы это заканчивалось.

Мы сели пить чай. От Миюки — она попросила отныне называть ее только так, иначе она дернет меня за ухо — я узнал, что госпожа, то есть я хотел сказать просто Миюки, всю жизнь провела в городе и никогда прежде не видела ни ванн с дымовым нагревателем, ни тем более сельского туалета.

— Как мне с тобой повезло! — повторяла она. — Я думала, что переехать сюда будет так же просто, как и в другую квартиру. Но оказалось, что если с отсутствием света я еще как-то смирилась, то подключить плиту мне уже не по силам.

Начался дождь, и его крупные капли громко зашагали по крыше. Я рассказал Миюки, что прожил в деревне всю жизнь и никогда не видел мира за пределом Долины. Отца и матери у меня не было, и с самого моего рождения меня воспитывал дедушка.

— Как его зовут? — перебила Миюки.

— Иссин, — сказал я. Это было так странно, мне нечасто приходилось произносить его имя, точнее сказать — никогда: для меня, да и для остальных он давно уже был просто дедушкой.

— Юкине... — донесся до меня голос Миюки, — не отвлекайся.

Раньше дедушка был моряком и много путешествовал, бывал даже в таких странах, где солнце не теплее своего отражения и сутками идет снег. Но когда моя мама, то есть его дочь, умерла, то за лавкой и за мной некому стало присматривать. И дедушка был вынужден вернуться обратно в деревню. И больше он уже не путешествовал.

Возможно, именно поэтому, в память о прошлом, он и назвал внука Юкине, что значит «звук падающего снега». Все это, фактически всю свою незамысловатую жизнь, я рассказал Миюки на едином дыхании. И когда опомнился, наступила глубокая темнота и надо было срочно бежать, иначе дедушка, вернувшись из храма и заметив, что меня еще нет, начнет волноваться. Позвонит старику Саказуки, а тот скажет, что я давно должен быть дома.

Кстати, забыл сказать, что мой дедушка не только владелец местного магазина, но и смотритель храма Тендзи, давно брошенного и никому не нужного, но об

этом уже как-нибудь в другой раз. Я быстро поднялся из-за стола. Снаружи все еще лил дождь, а тучи из серых стали черными, похожими на густые чернила. И ветер стучал сухими ветками по окну. Но не было такой силы, которая могла меня остановить, когда речь шла о бабушке. Так я в тот момент думал.

— Подожди, — окликнула меня из коридора Миюки, — у меня для тебя кое-что есть.

Я остановился. Миюки ушла в другую комнату, а когда вернулась, в руках у нее был дождевик неприглядного зеленого цвета.

— Держи, — сказала она, подавая мне плащ. — Нашла, когда разбирала завалы. Он довольно древний, но, думаю, сгодится. Дырок нет...

Я поблагодарил ее за заботу и пообещал вернуть дождевик так скоро, как только смогу. Мы распрощались. Хотя я и говорил, что ветер был сильным и ко всему прочему шел дождь, меня переполняло возвышенное, неземное чувство.

Помню, мелькнула мысль, что, может быть, поэтому люди в конце пути попадают на небо, чтобы иметь возможность ощутить себя облаком. Стоило мне об этом подумать, как в небе сверкнула молния и все вокруг осветилось.

Я увидел на обочине машину белого цвета, а в ней силуэт человека. Не знаю почему, но тут же пришла мысль о Миюки, я оглянулся, но ее дома уже не было видно. В то же мгновение я почувствовал тяжелый взгляд незнакомца. Чувство радости исчезло, а следом словно ножом полоснуло, вернулись шум дождя и ветер.

Водитель точно смотрел на меня, хотя его самого видно не было. Проезжая мимо машины, я еле сдержался, чтобы заглянуть внутрь. Не знаю, что мне помешало — воспитание, что ли. Поэтому, как только машина вместе с неизвестным оказалась у меня за спиной, я резко нажал на педали велосипеда.

Спустя десять минут я был дома. Бабушки еще не было. Я поднялся к себе и, забыв снять дождевик, упал на кровать. И даже тогда не сразу опомнился. Я был счастлив без видимой причины, просто счастлив. В ту ночь мне впервые за много лет снилась мама. И хотя ее лица я никогда в жизни не видел, я, словно щенок, узнавал ее по одному лишь запаху. Это точно была она.

— Юкине, Юкине, — звала она меня из темноты.

— Мама, — звал я в ответ.

На следующий день я не пошел к Миюки, как хотел. С самого утра у меня поднялась температура. Сквозь жар я сперва решил, что события вчерашнего вечера мне приснились, но зеленый дождевик на спинке стула говорил об обратном. Значит, и вправду было...

Неделю я провел, лежа в постели. И целую неделю стояла солнечная погода. Ничего не происходило. Только бабушка поднимался ко мне, чтобы оставить на столе тарелку бульона. Как-то раз, давясь очередной ложкой, полной свисающих водорослей, я спросил, не слышал ли он о Миюки Огава? Бабушка задумался, повторяя «Огава, Огава», а затем ответил, что нет. Теперь все случившееся и правда походило на сон.

Прошло несколько дней, я окончательно выздоровел, а дождевик все еще висел там, где я его оставил. Чем больше я смотрел на него, тем больше мне верилось, что она меня и не помнит. Какая причина — плащ. К тому же, у меня много дел и в школе, и в магазине (в отсутствие бабушки я стою за прилавком). Но, если честно, мне просто-напросто не хватало смелости. Несколько раз я проезжал мимо, но каждый раз Миюки не было видно, как будто ничего и не было. Ничего, как после короткого дождя.

Тем удивительнее было для меня после школы обнаружить возле дома белую машину, ту самую, которая была в тот день на дороге.

— А вот и Юкине! — услышал я голос дедушки, стоило мне зайти внутрь. — Юкине, поздоровайся, у нас гости.

И правда, за столом, рядом с дедушкой, склонившись над игровой доской в сеги, сидел старик Саказуки. Вид у него был сосредоточенный, однако красные щеки выдавали то, что он успел выпить пива.

— Юкине, — чересчур громко воскликнул он, как человек, обрадованный тем, что появился повод отвлечься от неприятной ситуации, — давно мы с тобой не виделись. Ты должен обязательно зайти ко мне, посмотреть на пруд, в этом году у меня будут прекрасные рыбки.

— Ваш ход, господин Саказуки, — перебил его чей-то незнакомый голос. Услышав его, дедушка подвинулся, и я увидел, что партнером Саказуки был вовсе не он, а мужчина лет сорока. В белой рубашке без рукавов, аккуратно подстриженный, он на первый взгляд показался мне учителем, одним из тех, что стараются держаться особняком, как будто им известно нечто особенное.

— А боже мой, боже мой, — заворчал старик Саказуки, глядя на доску, — сдаюсь. Уже третья игра и третье поражение. Мистер Кодзима, вы слишком хорошо играете. У вас совсем другой уровень.

— Не говорите так. Еще немного, и я бы наверняка проиграл, просто на моей стороне было пиво...

Старики засмеялись.

Кодзима, Кодзима... Может ли этот улыбающийся человек быть как-то связан с Миюки? Сердце мое тревожно забилось.

— Ну все, нам пора, — сказал старик Саказуки, хлопнув себя по коленям, — пойду оплакивать свое поражение.

Он попытался встать и не смог. Мы все кинулись ему помогать. И тут... Я заметил, правая кисть руки господина Кодзимы была изуродована шрамами. Заметив, что я смотрю на его шрамы, он быстро убрал руку в карман, сделал вид, что это у него вышло естественно, но я уверен, что он так поступил лишь потому, что не хотел, чтобы кто-нибудь видел, какие у него страшные рубцы на коже.

— Дедушка, — спросил я, как только наши гости уехали, — кто такой этот господин Кодзима?

Дедушка почесал голову, затем пожал плечами.

— М-м, кажется, он ничего о себе не говорил. По-моему, он из города. Приехал вчера и снял у Саказуки комнату. Заплатил за полгода вперед. Старый болван хоть и не ходит, а, однако, смысленный.

— Он приехал один?

— Вроде один. Сколько же это будет за комнату на полгода? Это? Немало, наверное. Странно, что кто-то еще приезжает жить в нашу деревню, да, Юкине?

Я ничего не ответил. Этот человек... я не мог сказать, что он мне понравился.

На следующий день я все-таки набрался смелости, взял плащ и поехал к дому Миюки. Возможно, встреча с господином Кодзимой так на меня повлияла, но тогда я бы никогда себе в этом не признался.

День выдался солнечным, я бы даже сказал на удивление жарким, а облака были такие большие и белые, что не надо было задирать голову для того, чтобы их разглядеть. Вскоре на горизонте показался дом семейства Огава.

Сердце мое, подобно маленькой птичке, забилось. Три невысоких ступеньки — и вот она, дверь. Я постучал, несколько громче, чем требовалось, но никто не ответил. Клетка с птичкой упала. Я обернулся, чтобы уйти, и тут, далеко-далеко, на другом конце поля, увидел белую машину господина Кодзимы.

Все это отдаленно напоминало один из детективных сериалов, которые идут вечером по ТВ, в котором полицейские точно так же, не смыкая глаз, ведут наблюдение. «А может, Миюки преступница?» — метнулась у меня мысль. И мне стало не по себе, и в голове всё закрутилось. Хотя по мне и не скажешь, но на самом деле я фантазер.

Дорога до школы, будь то пешком или на велосипеде, всегда отнимает порядочно времени, поэтому я привык придумывать всякое, строить воздушные замки.

И вот мне представилось, что Миюки — грабительница банков, не могу сказать почему, но грабители банков всегда казались мне самыми благородными из грабителей. И вот она ограбила банк и теперь прячется в этом заброшенном доме. А деньги, должно быть, прячет в шкафу, откуда она вынула плащ, или в подвале.

Затем я представил, как полиция окружает дом, в темноте кружатся на месте сирены, полицейские достали оружие, а я между тем помогаю Миюки сбежать, потому что лучше меня здешние края никому не известны. Я бы помог добраться ей до холма, того, на котором хорошо виден фейерверк в честь фестиваля. Там есть узкая тропинка, ведущая к реке, на берегу — лодка. Сцену прощания я перепридумывал несколько раз. Остановился на той, где меня, жертвующего ради Миюки собой, смертельно ранят, как раз после того, как я посадил ее в лодку.

Солнце тем временем забралось совсем высоко, где облакам до него было не добраться. Мир у самой земли пошел горячими волнами. Я повесил плащ, в котором, к сожалению, не было дырок от пуля на ручку двери, и пошел.

— Юкине!

Я обернулся.

— Юкине!

Миюки в соломенной шляпе шла ко мне через весеннее поле. При взгляде на нее я понял, что неожиданно изменился, как одуванчик, встретивший ветер.

— Привет, Юкине! Что ты здесь делаешь?

— Я-я...

— Ты принес плащ? Не стоило беспокоиться, — она взяла меня за руку и отвела за дом. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

И тогда я впервые увидел его...

— Красиво, правда?

— Не то слово, — пораженный, я остановился как вкопанный.

Целое поле цветов: фиолетовых, розовых, красных тянулось от самого дома до остатков стены, которая когда-то обозначала внутренний двор, чтобы дальше, втиснувшись в узкий пролом, подобно следам, выйти наружу. Все вместе это было похоже на место, где рождается радуга.

— Раньше здесь ничего не росло, — сказала Миюки. — Когда я была маленькой, тут был сад камней. Долгие годы мой отец покупал и привозил сюда камни со всей Японии, зная, что только так сад станет по-настоящему ценным. А сейчас, — она осмотрелась, — а сейчас это место заросло так, словно это были не камни, а семена. Все стало как прежде, ничего от трудов отца не осталось.

— Камни, наверное, взяли местные жители, — предположил я, и мне стало за односельчан как-то неловко.

— Не важно. Видимо, это действительно хорошее место, раз здесь одинаково хорошо растут как цветы, так и камни. Как думаешь? — обернулась она. — Может ли человек так же, как этот сад, начать все сначала?

— Я не очень-то понимаю, о чем вы сейчас говорите, но разве что-то сильно изменилось со временем? Камень остался камнем, цветы цветами, а сад садом.

— Ты, правда, так думаешь?

Она обернулась, и ее силуэт, и длинные черные волосы заслонили мне небо.

— Я, наверное, что-то не то сказал...

— Ничего. Значит, вот как оно выглядит со стороны... Ничего не меняется. Камень остается камнем, а сад садом. Я тут подумала, Юкине, и решила, что хочу превратить это место в настоящий сад. Где и цветы, и камни могли бы быть вместе. Правда, я совершенно ничего об этом не знаю. Это ведь сложнее, чем цветы на окне.

— Я знаю, — выпалил я, почти выкрикнул, что было, к слову, на меня совсем непохоже, — я знаю, у моего дедушки есть сад возле храма, и я многому у него научился.

— Это было бы замечательно.

Это было бы за-ме-ча-тель-но. Так она и сказала. Не какой-то там плащ, а целый заброшенный сад. Я был на седьмом небе от счастья.

С тех пор мы стали видеться почти каждый день, исключением были только те дни, когда она уезжала по делам в город сделать, как она говорила, кое-какие бумаги, или же мне надо было подменять дедушку в магазине.

В такие дни стрелки часов превращались в длинную нить — бесконечность. Теперь я точно могу сказать, что счастье, как долго бы оно ни длилось, всего лишь мгновение и ни секунды больше. Возвращаясь, Миюки каждый раз привозила цветы. Мы решили собрать в одном месте цветы со всей страны, если не мира. Розы, тюльпаны, лилии, каллы и даже древовидные пионы с острова Дайкон. Вот неполный список того, что нам удалось собрать за короткое время.

Она не обманывала, когда говорила, что ничего не умеет. Я учил ее этому ремеслу, так же, как когда-то учили меня. Впрочем, до большинства вещей я дошел сам. Еще в младшей школе я никогда не пропускал обязанности поливать цветы. Как-то так получилось, что они стали мне ближе, чем люди. Наверное, это потому, что им не так страшно довериться.

А сейчас... Никогда еще в жизни не было так хорошо. Облака больше не занимали меня. Я задумался над тем, чтобы приобрести себе сотовый телефон. До этого он был мне совершенно не нужен. В деревне, конечно, есть телефонная связь, но хватает обычного телефона, потому что все, кому бы ты мог позвонить, редко далеко уходят от дома.

Купить сотовый ради одного-единственного номера? Что со мной происходит? Все это так на меня непохоже.

Время от времени я продолжал замечать машину господина Кодзимы, но с каждой неделей это происходило все реже и реже, как будто он, как случайное облако, решил незаметно исчезнуть. Что-то должно было произойти, и это что-то не заставило себя долго ждать.

Я сидел за прилавком, делая уроки, когда зазвенел колокольчик над дверью. Я поднял голову и увидел Кодзиму, но тот никак на меня не отреагировал, с равнодушным видом прошел мимо и принялся разглядывать полки с товаром.

Надо сказать, что у нас с дедушкой единственная лавка в деревне, поэтому и ассортимент у нас, что называется, всего понемногу, плюс всякие безделушки и сувениры, которые делают местные мастера вроде старика Саказуки, и их мы выставляем бесплатно. В общем, есть на что посмотреть.

Поэтому я не стал посетителя отвлекать и сделал вид, что меня нет, с головой уйдя в книгу. Но он все ходил и ходил, с таким важным видом, да еще и с руками в карманах, что я наконец не выдержал и спросил:

— Вам помочь?

— О, привет пацан! — изобразил он удивление, которому я не поверил. — Ты чего тут забыл?

— Я не пацан. Меня Юкине зовут. Не называйте меня так, пожалуйста.

— Хорошо, Юкине, — он взял с полки красного человечка — символ местного бога — и принялся крутить его в руках, как крутят ручку, — так что ты здесь делаешь?

— Я с семи лет здесь работаю, когда не в школе.

— А дедушка где?

— Он занят в храме.

— Аа-а, храм Тендзи, мне говорил о нем старик Саказуки, рассказывал, он древнейший в этой части Японии. Серьезно?

Я кивнул.

— И что за Бог живет в нем?

— Тендзимонтен, Бог сострадания и прощения.

Он усмехнулся, как будто эти понятия для него не имели значения.

— Никогда о таком прежде не слышал. По-моему, все эти боги учат одному и тому же, но, когда они нужны, никого из этих высокомерных парней нету рядом. Что? Можешь ничего мне не говорить, — он постучал пальцем по носу красной кошки — символу местного Бога.

Я отодвинул от него кошку подальше. Однако было похоже, что уходить он и не собирался. Теперь его внимание привлекла книга, он взял ее, пока я убирал кошку, и начал читать. Да еще с таким видом, как будто там было что-нибудь интересное, в «Физике» для старшей школы.

Он постоял, полистал еще несколько страниц, и у меня возникло ощущение, что он тянет время нарочно. Ох уж эти взрослые, лишь бы сделать вид, что все, что они делают, что-то да значит.

— Знакомая штука, — сказал он, вынимая сигареты и спички, — усердно учишься в выходные. Похвально. Вот я в твои годы дурака валял. Даже сейчас на эти закорючки смотреть больно.

— Прекратите, пожалуйста.

Кодзима посмотрел на меня вопросительно.

— Я про сигарету, у нас в магазине не курят. Много пожилых посетителей.

Тут его лицо сразу смягчилось, он завертел головой, и не найдя ничего лучше, поднял ногу и затушил сигарету прямо о подошву. И сделал это так непринужденно и просто, словно для него это обычное дело и он постоянно тушит сигареты об обувь. При виде его уверенных действий сейчас и в дальнейшем во мне просыпалось некое подобие зависти.

— Господин Кодзима... — глядя в сторону, произнес я, — можно вопрос?

— Тецуя.

— Что?

— Ты не пацан, а я не господин Кодзима. Тецуя — так меня зовут люди. А теперь твой вопрос.

— Зачем вы приехали к нам, господин Тецуя?

Он залился громким смехом, как будто я спросил у него что-то смешное.

— Лучше просто Тецуя. Не выношу формальностей. Сразу чувствуешь себя старым, а мне всего тридцать шесть.

«Довольно-таки старый», — подумалось мне, но вслух я, конечно, этого не сказал.

— А приехал я... — он положил обе руки на прилавок, — а приехал я на рыбалку. Вот думаю взять чего-нибудь здесь для наживки. Или, может, червей накопать? Ты как думаешь, Юкине? На что тут лучше ловить?

— Я не разбираюсь в рыбалке..

— Как не разбираешься? — он даже отпрянул. — В таких-то местах. Само небо говорит: здесь много рыбы.

— Ничего ты в небе не понимаешь, — прошептал я.

— Разве отец не научил тебя, как это делается?

Я предпочел промолчать, после встречи с Миюки мне уже не хотелось кому-то рассказывать о себе, но он, видимо, догадался без слов.

— Я тебя научу, — неожиданно для меня сказал он.

Невысказанное «чему?», видимо, отразилось у меня на лице, потому что он прозвонил:

— Рыбачить. Я тебя научу.

И, не успев я ответить, добавил:

— Вот и славно, завтра с утра я за тобой заскочу. Увидимся завтра.

Опять прозвенел колокольчик.

В тот день он ничего не купил, я так и не понял, что ему было нужно. Не приходил же он только за тем, чтобы позвать меня на рыбалку. Возможно, он и правда хотел что-то узнать о Миюки. Просто не захотел или не знал, как спросить. Станный это был человек. Прошло всего несколько минут, а я уже не мог точно сказать — нравится он мне или нет.

Наступило завтра. Календарное воскресенье. Если честно, я думал, что он пошутил или обманет, но белая машина подъехала к нашему дому ни свет ни заря, когда спят даже старики и крестьяне. Лучше бы он, конечно, обманывал, вздохнул я, увидев его бодрую физиономию.

— С утра лучше всего ловится, — сказал Кодзима в свое оправдание, ни разу при этом не извинившись.

А мне снился такой сладкий сон. Последняя моя надежда, бабушка, и тот даже не стал меня отговаривать.

Иди, говори, освежись. «Я бы сам научил его рыбалке, но руки никак не доходят».

Так я оказался в машине. Часы показывали 5:49. На улице было еще темно. В свете теплых огней я видел, как бабушка, запахиваясь в халат, вышел помахать нам рукой на прощание.

Когда мы уже отъезжали, то я подумал, провожая бабушку взглядом, что этому часу, этому времени остро не хватает названия. Особого имени, чтобы обозначить состояние той опустошающей новизны, которую всякий раз испытываешь на рассвете в пять часов утра, когда холод снаружи встречается с тоской, что внутри, и как бы ни было тепло днем, утром тебе станет холодно.

Я задал этот вопрос Тецуя, как он бы назвал это время? Он сказал, что назвал бы его «час, когда можно начать жизнь сначала».

Я задумался о Миюки. Что она сейчас делает? Глупый вопрос, конечно же она спит. Я представил себе ее лицо, словно лентами накрытое длинными волосами. И запах. Услышать бы его здесь хоть разок.

Но мы ехали в противоположную сторону. И чем дальше мы ехали, и чем красивее был мир за окном, тем острее я чувствовал, как реальность начала рваться на две части. Вслед за чем появились два неба, две дороги, два рассвета, и только Миюки, как прежде, оставалась одна. Юкине тоже стало двое. Один здесь, другой там. Быть в двух местах одновременно — это и означает скучать.

Вскоре мы покинули пределы Долины, а когда в окне промелькнуло название города, я, признаться, занервничал. Никогда прежде мне еще не доводилось быть так далеко от деревни. Хотя побывать в городе было у меня чем-то вроде мечты. Своими глазами увидеть красочные огни, высокие здания, толпы людей. Ощутить себя подхваченным жизнью. Однажды мне почти это удалось, бабушке надо было ехать в город, но в решающий момент я заболел и меня оставили дома. А сейчас, когда мы заехали так далеко, у меня возникла шальная мысль, не едем ли мы, случаем, в город. Но стоило мне об этом подумать, как Тецуя свернул с главной дороги. Этих мест я не знал. Интересно, куда мы теперь направляемся?

Можно было спросить Тецую, но тот был на удивление молчалив, не сказав, не считая ответа на мой вопрос, больше ни слова. Со стороны казалось, что он слился с дорогой. Видно было, что ему не до разговоров, так сильно он в себя углубился. По своему опыту знаю, что так бывает, когда у человека много чего накопилось. Глаза у него были точно в тумане. Он и моргал-то нечасто.

Поэтому я не стал его отвлекать. Тем более у меня самого появились кое-какие мысли. Точнее, чувство, которое затем уже перешло в мысли. И чувство это называется страх.

Наверное, я слишком много смотрю телевизор, в это окно, в которое одновременно подглядывают миллионы, миллиарды людей, но, когда показались деревья, я невольно подумал, что, возможно, Тецуя никакой не полицейский, а самый настоящий маньяк. Настоящий маньяк ведь и должен быть таким, чтобы его невозможно было отличить от обычного человека. В глухом лесу на берегу озера он снял дом, куда собрался привозить свои жертвы.

День за днем он следил за Миюки, ища подходящий момент. Но я ему помешал, и он решил со мною расправиться. Как же ловко он притворяется. Сперва он покончит со мной, и поскольку это не входило в его первоначальные планы, сразу отправится за Миюки. Сделает свое дело быстро, без удовольствия, а после сразу исчезнет. Когда же нас хватятся, будет уже слишком поздно. И где-то на другом конце страны человек, отдаленно напоминающий Тецую, хотя это будет, конечно, уже не Тецуя, а скажем Ре, будет следить уже за другой девушкой, притаившись в белой машине.

Чтобы такого не произошло, мальчик, то есть я, непременно должен спастись, предупредить. Это спасет жизнь и мне, и Миюки. Внутри у меня все сжалось, и по сердцу прокатилась холодная капля. Люблю я себя иногда поугагать.

И вот, когда я уже всерьез раздумывал, не выпрыгнуть ли мне на ходу из машины, на горизонте показалась ослепительная гладь моря. Солнце уже взошло, и вода сияла белым огнем, словно под водой разом решили открыться тысячи раковин, хвастаясь тем, что было у них самое ценное.

Чем ближе мы подъезжали, тем отчетливее были видны бледные силуэты людей, ходивших по воде посреди белого пламени. Я удивился. Было похоже, что это ангелы спустились с небес и купаются, пользуясь утренней дымкой. Секрет этого чуда раскрылся достаточно просто: дело было в косе, которая тянулась от берега, а ангелами были рыбаки, живущие неподалеку. Все они хорошо знали Тецую. Каждый из них, когда мы проходили мимо, здоровался и говорил:

— Сегодня вы точно поймаете луциана, господин Тецуя.

А он в ответ только кивал и желал им удачной рыбалки.

Я все не переставал удивляться: как легко он находит общий язык с незнакомыми, непохожими на него людьми. Идя позади и глядя на его по-взрослому широкую спину и сильные руки, я ощутил удивление в виде укола зависти.

— Юкине, — крикнул он мне, обернувшись, — не отставай, давай поспеши, неси сюда удочки.

И когда он успел все свалить на меня? Разве он не должен был сам нести эти вещи? Но он, похоже, не задавался этим вопросом.

— Нет, здесь мне не нравится, пойдем там посмотрим, — повторял он, оставиваясь, и с секунду глядел на море.

Так мы, кажется, прошли несколько километров. И когда нашли то самое «нравится», то никого рядом не было, а я же не чувствовал ног. Если бы он и правда был убийцей, то я бы при всем желании не смог от него убежать. Пожалуй, это конец.

— Вот так это делается, — сказал он, подвешивая вместо крючка небольшую резиновую корзинку, наполненную мерзкими тварями, — теперь можно рыбачить. Следующую сам. Понял меня? Сейчас покажу тебе, как надо замахиваться.

Посмотрев, я направился прямо к воде.

— Эй, ты куда? — крикнул мне Тецуя.

Я всеми силами постарался изобразить удивление на усталом лице.

— Еще нельзя, сперва надо прикормить. Он несколько раз зачерпнул тех же розовых тварей и бросил их в воду.

Я размахнулся.

— Стой! Еще нельзя.

У меня не было слов.

Тецуя выпрямился, набрал воздуха в грудь и что есть силы крикнул:

— Эбису!

Гробовая тишина. Он строго посмотрел на меня. Он явно хотел, чтобы я сделал то же самое. Лучше бы он оказался маньяком.

Через мгновение мы оба наперебой, кто громче, кричали: «Эбису!»

— Эбису, — сказал я, глядя на поплавок, — разве это не имя одного из семи богов удачи? Вы же говорили, что не верите в Бога?

— Большую часть времени так и есть, но не тогда, когда дело касается выгоды. Давным-давно, когда я был еще меньше, чем ты, один человек сказал мне, что перед тем, как начать рыбачить, надо обязательно произнести имя Эбису, иначе ничего не поймашь. Особенно надо стараться, если решил поймать окуня. Так что это обращение к Богу можно считать делом привычки.

Значит, мы ловим окуня, решил я про себя и произнес «Эбису».

— Кстати, этот человек, который научил вас рыбачить, был ваш отец?

— Да. Старик отлично рыбачил. Его прямо тянуло на море. Он мог увидеть фотографию и сказать: вот мне бы сюда. Наверное, я такой же, если бы не работа.

— А сейчас?

— А сейчас, — он показал мне изуродованную шрамами руку, — у меня отпуск на год.

— Разве такое бывает?

— Бывает, парень, бывает.

Помолчали. Воцарилась странная тишина, когда есть что сказать, но слова как будто стерлись из памяти. Это был древний язык, когда люди еще умели общаться без слов. Я чувствовал, что мы оба хотели одного — спросить о Миюки, и каждый почему-то не спрашивал.

Молчание прервал поплавок, скользнувший под воду. Я даже не понял, как это случилось. Руки все сделали сами. Рывок, и... И моя первая рыба оказалась чуть меньше ладони. Такая маленькая, что пришлось отпустить ее обратно в воду.

— Это мерзула, — сказал мне Тецуя, громко смеясь, — не расстраивайся, для первого раза сгодится.

Хотя глаза его говорили совершенно обратное. Вскоре клюнуло и у него, и тоже мерзула. Еще меньше, чем у меня.

— Новичкам везет... — посмотрев на меня, сказал он, после чего, громко крикнув «Эбису!», закинул леску обратно.

Это стало началом нашей рыбалки. Время исчезло так же незаметно, как исчезает волна, возвращаясь обратно. Мы ловили рыбу весь день. И это по-прежнему были мерзулы. Маленьких мы отпускали, тех, что побольше, собирали в ведро. По итогу их там оказалось штуки три-четыре, не больше. В конце, когда солнце качнулось, готовясь завалиться к закату, Тецуя сварил из них суп. Окуня мы так и не поймали. Я интуитивно вспомнил слова рыбаков.

«Сегодня вы точно поймаете луциана. Ага, как же».

Сколько же раз приходил сюда этот человек, сидел целый день, чтобы потом уйти с пустыми руками на фоне заката. «В наших краях нету рыбы», — прозвучали

у меня в голове слова дедушки. Стоит ли мне сказать об этом Тецуе? И вообще стоит ли так стараться из-за того, что можно свободно купить в магазине. Ответов на эти вопросы у меня не было. Да я их и не искал. Каждому из нас что-то важно. Одному — заброшенный храм, другому — сад, третьему — окунь, пойманный своими руками. Мне — Миюки. А причины? Их можно выдумать.

Тецуя меж тем протянул мне чашку горячего супа. Сам есть он при этом не стал. Сказал, что не голоден. Хотя это и вряд ли могло бы быть правдой. Со стороны, глядя на нас, можно было подумать, что это отец и сын выбрались за город на выходные. Отец учит сына рыбачить и отдает ему полную чашку супа, сам собирая остатки.

Внутри меня сама собой заныла старая рана. И на какое-то мгновение я, правда, поверил, что Тецуя и есть мой отец. Тем более что мой настоящий отец был жив. Он не умер, и у него не было особенных обстоятельств. Он просто сбежал, как только узнал, что моя мама беременна. Но сначала я этого не знал. Поэтому долгое время, еще до всех этих фильмов, я верил, что он вернется, что это часть какого-то сложного плана, что дедушка мне вовсе не дедушка, и что Долина — это безопасное место, где мой отец знал, что со мной все в порядке. Мне казалось, что он наблюдает. В четыре года я представил себе, что если уйти далеко, дойти до края Долины, то отец непременно будет ждать меня там. Я стал уходить из дома тайком, доходил до шоссе, поднимался на холм, спускался к морю. Но куда бы я ни уходил, как далеко ни сбегал — отца нигде не было. Вместо него каждый раз приходил дедушка. Уставший, он никогда меня не ругал. Брал за руку и отводил обратно. А в последний раз опустил на колено, обнял меня и долго гладил по голове, приговаривая:

— Все будет хорошо, Юкине, все будет хорошо.

С тех пор мои побеги закончились. Отец исчез из моей жизни, так ни разу в ней и не появившись. Здесь можно было бы подумать, что потом я узнал нечто такое, из-за чего могло показаться, что оно, возможно, и к лучшему, как это обыкновенно бывает в дешевых сериалах или же комиксах манга. К примеру, он мог оказаться портовым грузчиком, выпивать, или в конце концов его могла мучить совесть. Но ничего не случилось.

Когда смотришь вперед и радуешься тому, что видишь, это можно назвать мечтой. Но как назвать, когда вспоминаешь то, чего не было? И странно, что это вызывает хоть какие-то чувства. «Хорошо бы, если бы Тецуя и правда был мой отец», — подумалось мне. Я бы ему все простил. Но мгновение кончилось, и Тецуя опять стал Тецуей, а я снова Юкине. И все-таки...

Затем мы много говорили обо мне. Бывшая напряженность ушла, и я рассказал Тецуе о своем детстве, о дедушке. Не стал скрывать и того, что с нетерпением жду того момента, когда уеду в город учиться, то есть рассказал то, о чем не говорил даже Миюки.

Узнав о том, что я никогда не был в городе и что побывать в нем одно из моих главных желаний, Тецуя заулыбался так, словно мое стремление показалась ему глупым, наивным, а после сказал, что я напоминаю ему его самого. Он тоже хотел посмотреть мир в моем возрасте.

Сложно было определить, правда это была или нет. Взрослые часто, не объясняя ничего, говорят, что ты похож на них в раннем возрасте. Это у них что-то вроде привычки. Сперва они говорят, что ты напоминаешь им себя, затем, что они тебя понимают, и, наконец, что это пройдет. Наверное, вести себя так — это важная часть того, чтобы быть взрослым.

Но Тецуя не стал говорить, что мое желанье пройдет. Вместо этого он пообещал отвезти меня в город при первой возможности. Я чуть не захлебнулся от радости, еле сдержался. Мне только пятнадцать лет, но я уже умею казаться серьезным.

Вдалеке показались два человека, фигуры которых то появлялись, то опять исчезали, скрываемые дымкой. Не приближаясь, словно мираж, эти двое людей махали нам издали руками и кричали:

— Прилив, прилив!

И, действительно, вода поднялась. Засобиравшись, я потянулся за удочкой, оставленной до той поры без присмотра, и увидел, как леска напряглась и потянулась под воду. Я дернул не раз и не два, но рыба на другом конце лески была явно больше мерзуги. Борясь за свою жизнь, она тянула изо всех сил так, что мне показалось, что я слышу как хрустит удочка. Внутри у меня все как нитью стянуло, и я рванул на себя.

Есть такие мгновения, когда ты выпадаешь из времени, словно человек, мимо которого проносится поезд. Сознание мое замерло, а тело двигалось само по себе. В теплом золотом свете, среди брызг, я отчетливо видел окуня, взмывшего вверх словно птица. Эбису! Кажется, мы встретились взглядом. А потом леска оборвалась, и рыба упала обратно. Я остолбенел, словно пронесшийся поезд унес моего лучшего друга.

— Аа-а-а!! — закричал Тецуя. — Как ты мог ее упустить?! Это же был луциан. Лу-ци-ан. Эй, ты что — плачешь? Ну посмотри на меня. Не надо плакать.

В тот момент я действительно его напугал.

— Нет, я не плачу, что-то в глаз попало.

— Да? А что это за рожа такая?

— Я сказал — нет.

— Ладно, — положил он руку мне на плечо, — с кем не бывает.

— Не плачу я!

Он рассмеялся. Мне захотелось толкнуть его в спину.

Назад из-за прилива пришлось идти, закатав брюки по колено. Тецуя нес удочки, а я котелок. Интересно, расплывались ли наши фигуры в тумане и были ли мы хоть немного похожи на ангелов?

Помню, как с нетерпением ждал в тот день наступления завтра. И едва запел соседский петух, сразу сел за уроки. Дедушка, просыпавшийся всегда одинаково рано, похвалил меня за усердие.

— Молодец, Юкине. Ты обязательно поступишь. Что тебе приготовить?

На самом же деле мне хотелось поскорее покончить с делами, чтобы сбежать и рассказать Миюки о том, как я научился рыбачить. Хотя снаружи я был спокоен, внутри меня переполняли эмоции. Поэтому, как только солнце выпало у облаков из кармана, я вскочил на велосипед и поехал.

— А как же завтрак? — крикнул мне дедушка вслед.

— Позже поем!

Миюки не было дома. Я обежал вокруг и нашел ее работающей в саду. Она обрезала цветы. За те несколько недель, что мы над ним поработали, сад изменился. К его дикой естественной красоте прибавилось очарование неловкого людского вмешательства. Выглядело это так, словно длинные черные, но спутавшиеся волосы расчесали. Так в саду нарисовались дорожки, вернулись на свое место округлые и не очень-то камни, появились кусты. Много кустов, свежевывсаженные цветы. Сейчас еще голые, но обещающие богато расцвести в самое ближайшее время.

Хотя я никак для этого не старался, Миюки меня не заметила. Так же, как счастье длится мгновение, так и мгновение может растянуться до вечности. Я застыл, наблюдая за ней. И даже не сразу заметил, что она подстриглась. Кажется, эта прическа носит название каре. Мне было очень жаль ее длинные волосы. Их всегда жаль. Но эта новая стрижка ей очень идет. Все, мне казалось, ей очень идет. Очнулся я от голоса Миюки.

— Юкине? Юкине, это ты? Как хорошо, что ты сегодня пришел, мне как никогда понадобится твоя помощь. Между прочим, как тебе мой новый образ?

— Словно другой человек, не узнать.

— Ну прямо-таки не узнать, — улыбнулась она.

В тот день мы вплоть до обеда трудились в саду. Было не жарко, и работать было одно удовольствие. Особенно рядом с Миюки. Мой дедушка всегда говорил: чем выше Солнце, тем ниже к земле человек. Когда же Солнце низко, то и человек может выпрямить спину. В тот день мы сделали много дел.

Движения наши были однообразные, словно движение маятника, и, может быть, поэтому время шло сквозь нас незаметно. Я много отвлекался, помогая Миюки все делать правильно. Уход за цветами — деликатное дело. Здесь нельзя ошибиться.

Иногда намеренно или случайно наши руки лишь слегка касались друг друга, и тогда жар пронесился по моему телу. И я тут же забывал, о чем говорил. Тогда всё было так естественно, а сейчас я думаю, что она это чувствовала. Понимала ли, что она для меня словно Солнце, что греет облако с другой стороны. В тот момент я отчетливо ощутил, что тоже стал частью природы.

Когда наступило время обеда, мы, взяв ведра, отправились к морю. Все потому, что Миюки захотелось посыпать дорожки белым песком, которого было в избытке на пляже.

Я не возражал, хоть и успел сто раз пожалеть, что не позавтракал, и, чтобы скрыть это, позволил себе вольность говорить без умолку. А может быть, это и не из-за голода вовсе, может, я таким образом хотел произвести впечатление. Скорее, и то, и другое. Я говорил и говорил, как будто знаю или повидал все на свете, рассказал, конечно, и о мерзуге, о сваренном супе и об окуне, который был настолько большим, что удочка под его весом треснула надвое. О роли Тецуи во всем случившемся я предпочел умолчать.

Слушая мой рассказ, Миюки смеялась. Особенно в той его части, где я говорил о том, что решил, что она грабит банки.

— Ты, правда, ловил окуня? — спросила она, закончив смеяться. — Это навевает воспоминания. Помню, я тоже как-то раз поймала такого. Только не очень большого. Ты кричал «Эбису?»

Я сказал: да.

— Помню, у меня получился тогда вкуснейший такикоми гохан.

При упоминании о еде я сглотнул и в глазах у меня потемнело.

Море встретило нас холодно. В пасмурную погоду в нем не осталось ничего от обычной приветливости. Сейчас оно волновалось, ошетинилось высокими волнами, всеми силами показывая скрытую в нем могучую силу. Мы замерли. Никто из нас даже не подумал сделать то, зачем он пришел. Наполнять ведра песком. Оба мы как замороженные смотрели на воду, рычащую, скалившуюся, бьющуюся о берега, словно пойманный зверь.

Миюки опустила на землю. Я рядом. В тот момент мне показалось, что она хочет мне что-то сказать. Ожидание того, когда с неба упадет первая капля. Но все, что она тогда произнесла, было:

— Ты напоминаешь мне одного человека, Юкине, — она согнула ноги и положила голову на колени.

Я как сидел, так и повалился на землю, как после удара. Решил лечь, накрыв рукою лицо. И в этой искусственной темноте я почувствовал, как она легла рядом. Я приоткрыл один глаз.

Облака. Облака не обещали мне ничего хорошего. Серые, как графитовый карандаш, они были полным отражением моря. Моря, вывернутого наизнанку. С

одним только отличием — трещиной в виде узкой полосы света. Небесный шрам в виде надежды.

Миюки, подняв руку, провела вдоль нее ладонью. Я посмотрел на нее. Со стороны казалось, что она гладит небо. Но, когда ее рука замерла, я понял, о чем она думает. Сквозь тонкие пальцы она смотрела на небо и видела ту же картину, что и я множество раз — как мала наша рука по сравнению с небом. Все, что есть там наверху, проплывает насквозь. Я тоже поднял руку, и они соединились, словно две руки одного человека.

Не могу точно сказать, сколько мы так пролежали. По-своему это было похоже на сон, когда кажется — прошла целая жизнь, а на самом деле только миг. Обычно в такие моменты хочется заснуть снова, но упущенное невозможно вернуть даже во сне. Я отчетливо услышал шум моря.

— Пойдем, — предложила Миюки, вставая и отряхивая легкие летние брюки.

Мы пошли дальше, оставив обувь и ведра. На пути нам встретилась груда камней, образующих нечто вроде небольшого утеса, а наверху, над расщелиной, камень, напоминающий силуэт человека.

— Смотри, — сказала Миюки, — какой камень, похож на сидящего на скале человека, — она сделала паузу, — возможно, он присел отдохнуть, но засмотрелся на море, окаменел и сам того не заметил. Неплохо я это придумала, правда?

Улыбка.

— А я бы сказал, что, может, это монах. Монах, замерший в последней молитве.

— Так или иначе, мне кажется, что он был человек одинокий, зачем еще искать общества у Бога или у моря, как не для того, чтобы быть одинокими вместе. Постой, Юкине, ты куда?

Пока она говорила, я полез в гору.

— Возьмем его с собой. Он будет отлично смотреться в саду.

— Юкине, не надо. Стой! Юкине! Я кому говорю!

Лезть было невысоко, метра три или четыре, не больше, не сложнее, чем забраться на дерево, я думаю, я бы справился. Но чем выше я забирался, тем громче кричала Миюки, почти до паники. Я испугался, словно подошел к краю обрыва, и едва не сорвался. Жуткое ощущение. Поэтому, бросив последний взгляд на сидевшее надо мной каменное изваяние, я начал спускаться.

Для меня, прожившего всю свою короткую жизнь на природе, это было не больше чем шуткой. Детской забавой. Но по глазам Миюки я понял, что она всерьез перенервничала, и я тут же почувствовал себя виноватым. Мне стало стыдно. Правда, я не мог сказать точно за что.

Миюки отвела глаза в сторону. Видно было, что ей самой стало не по себе от того, что она так громко кричала, но ничего поделать с собой она не могла. Страх вырвался из нее в виде крика.

— Не пугай меня больше, — сказала она, — еще и без обуви. Юкине, у тебя кровь!

Я опустил голову. Тонкая красная линия тянулась из ссадины чуть выше лодыжки. А я и не почувствовал. В любом случае рана была пустяковая, жалкая царапина, и я уже было открыл рот, чтобы это сказать, но Миюки достала платок и, послунявив кончик, принялась ее протирать. Я сопротивлялся как мог. Покраснел и едва не упал, стоило ей только дотронуться.

— Не дергайся, — сказала она, крепче сжав мою ногу.

Какие холодные у нее руки, подумалось мне. Не знаю почему, но в ту самую секунду я точно был уверен — у нее окажутся именно такие холодные руки. Так иногда бывает, что человек до тебя еще не дотронулся, а ты уже точно знаешь, что у него холодные руки. Думаю, что и спустя год, если сильно постараюсь, то смогу вспомнить прикосновение этих рук до мельчайших подробностей.

Как я уже говорил, было холодно. И серые волны, разбившись, чернея, уходили в песок.

— Так-то лучше, — сказала Миюки, закончив. — Сможешь идти?

Я кивнул и поставил ногу на землю так аккуратно, словно мне и впрямь было больно.

— Пойдем, нам пора возвращаться.

— А как же камень? — робко спросил я. — Разве он тебе не понравился?

— Понравился. Но лучше будет оставить его одного. Мне кажется, он не из тех, кто обрадуется, если его потревожить.

Я хотел было возразить, но еще до того, как я произнес первое слово, в животе у меня заурчало. И так громко, что вокруг стало оглушительно тихо.

— Юкине, — тон Миюки переменился, как крутая волна, — признайся, ты завтракал?

Спорить больше не было смысла, и мы пошли обратной дорогой. Уходя, я еще раз обернулся посмотреть на камень в форме сидящего человека. Только сейчас я заметил, что часть лица у него отломилась. Так вот, значит, какое оно, одиночество.

— Юкине, не отставай! — крикнула она мне.

— А-а, подождите меня, вы же помните, что один из нас ранен.

— С ведром-то справишься? — улыбаясь, спросила Миюки.

— Конечно! — откликнулся я и побежал первым.

Распогодилось. Интересно, куда деваются облака, когда не висят в небе? Я сидел за столом и смотрел то на свою ногу, щедро покрытую йодом, то на Миюки, суетившуюся возле плиты. Из-за меня она торопилась. Время от времени что-то падало у нее из рук, например ложка, и тогда она говорила мне, что нельзя уходить из дома не позавтракав, и что в моем возрасте самое главное — нормально питаться. Помню, мне было весело.

— Ну вот и готово, — сказала Миюки, ставя на стол большую кастрюлю, — ничего особенного, просто рис.

Она сняла крышку, и по комнате тут же разлетелось ароматное облако. Я и представить себе не мог, что рис с овощами может так вкусно пахнуть. Что тут можно сказать? Самое неприятное, что чем сильнее ты голоден, тем быстрее ты наедаешься. Может, это иллюзия, но вот только казалось, что будешь вечность получать удовольствие, а спустя пару секунд чувствуешь, что больше не можешь. Так было и на этот раз. Я с завистью смотрел на кастрюлю, в которой еще много осталось.

— Ты наелся? — спросила Миюки, убирая тарелку.

Вместо ответа я сытно откинулся.

— Тогда я поставлю чай.

Пока чайник грелся, я выглянул в окно. Незаметно наступил вечер.

— Миюки, ты уже решила, что будешь делать во время весеннего фестиваля?

— Что? — спросила она, не поняв, о чем я, и мне пришлось уточнить.

— Традиционного фестиваля, посвященного наступлению весны. Он будет проходить в конце месяца.

— А я и забыла. Такое бывает, если слишком долго жить в городе, — и она хитро улыбнулась. Мне сразу не понравилась эта улыбка.

— Скажи, Юкине, ты меня приглашаешь?

Я никогда еще никого не приглашал, а тут сразу...

— Так да или нет?

— Д-да, — неуверенно кивнул я, — будет интересно, барабаны тайко, старик Саказуки принесет своих рыбок, а дедушка уже начал делать сувениры на память.

— Раз так, тогда я согласна.

В этот самый момент раздался громкий и пронзительный свист. Закипел чайник. Миюки встала, чтобы его отключить, а я медленно понял, что первый раз пригласил девушку на свидание. Надо же, как в жизни бывает — сперва ты хочешь провалиться сквозь землю, а потом не чувствуешь под собою земли. Все, что я тогда знал о чувствах, это то, что они — нечто похожее на американские горки.

Стук в дверь.

— Кто там? — спросила Миюки.

— Я, — последовал короткий ответ.

Этот голос... Где-то я уже его слышал, пронеслось у меня в голове. Слышала его и Миюки. От его звука она побледнела и с ее лица разом пропала всякая радость.

Когда же дверь отворилась, то на пороге я увидел Тецуя. Внешне он был спокоен, но лицо его напоминало бледную маску, рот которой застыл в неправдоподобной улыбке. В руках у Тецуя были свернутые трубкой бумаги. По всей видимости, какие-то документы. Дедушка говорит, что весь мир держится на такой вот бумаге. Может быть, поэтому он и непрочный, потому что основанием ему служит бумага.

Увидев меня, Тецуй обрадовался, как будто в толпе незнакомцев нашел старого друга. С Миюки же он вел себя механически, поздоровался, отдал бумаги; когда она предложила ему сесть, сел; когда спросила, будет ли он есть, согласился. И хотя они старались держаться друг от друга подальше, выражая отстраненность и холодность, я понял, что они давно и хорошо знают друг друга. И от этого понимания сразу почувствовал себя лишним, словно вклинился в чужой, интимный, прерванный разговор.

Ощущение было, что мы как семья после ссоры. Сын получил низкий балл на предварительном национальном экзамене, у отца проблемы с работой, и жена, иначе говоря мама, не знает, что со всем этим делать. И вот мы сидим за семейным столом все вместе, но каждый отдельно. Три человека с открытыми глазами, но со взглядами, обращенными внутрь.

Тут Тецуй попытался разрядить обстановку, начав как ни в чем не бывало рассказывать о вчерашней рыбалке. В красках, прямо как я некоторое время назад. А когда его история становилась слишком яркой, такой, что трудно поверить, то он толкал меня локтем и говорил «правда, Юкине?». Мне оставалось только поддакивать. Но как мы ни старались, тяжелая атмосфера и не думала никуда уходить, повиснув над нами, словно свинцовая туча. Я смотрел на Миюки. За все время она улыбнулась лишь раз, когда Тецуй рассказывал, какой отличный у него вышел суп. Я по глазам ее понял, что она поняла мою ложь, но не обиделась, а напротив как-то растрогалась. Не знал, что ложь способна и на такое.

Между тем Тецуй, разойдясь не на шутку, подводил свой рассказ к кульминации и широким жестом, призванным показать, как сорвался окунь с крючка, перевернул чашку, и остатки риса рассыпались по столу и попадали на пол. Я понял, что мне пора уходить. Как я и предполагал, никто не стал меня останавливать.

Когда же дверь за мной затворилась, то сперва было тихо, как будто дома никого нет. Затем поочередно раздалась голоса Тецуя и Миюки. Слов разобрать я не мог, потому что голоса превратились в один сплошной шум, словно валун, который катится, громяхая, вниз по скале, чтобы разбиться внизу. Тут я неожиданно понял, что подслушиваю и побежал прочь. Побежал как подросток, сбежавший из дома. В тихом воздухе мне показалось, что она плачет.

Следующие несколько дней прошли для меня мучительно скучно, как будто меня заставили досматривать плохой фильм. Не важно, чем я занимался, что бы ни делал, я не мог перестать думать о Миюки. Как она? Что сейчас делает? И, конечно, кто они друг для друга?

Вместо времени — серая полоса ожидания, длинная, непрерывная даже на сон. Словно дождь, который все идет и идет и никак не закончится. От него, от нахлынувших чувств в груди у меня заболело. Временами, а чаще всего по ночам, я чувствовал, как у меня, словно тонкие ветки, дрожат ребра.

И все это от одних только мыслей. С Миюки я с того дня больше не виделся. Не ходил. А еще точнее сказать, избегал, как человек, которому осталось открыть последнюю дверь, чтобы узнать неприятную правду, как тогда, когда тебя одного позвали зайти после уроков в учительскую. Если так думать, то я взялся за ручку и стал ждать. Ждать оказалось недолго. Как-то раз зазвонил телефон. Сняв трубку, я сразу узнал голос Тецуи.

— Юкине? Юкине, это ты? Это я, Тецуя. Поедем в город, Юкине? — прокричал он. Позади него гремел гром.

Я было хотел отказаться, но так и не смог. Уж больно это звучало заманчиво — город.

Шел дождь. Сквозь лобовое стекло я смотрел, как стекают вниз его, похожие на вены, толстые струи. Надо сказать, что Тецуя был из тех людей, по которым можно свободно определить, о чем они думают или тем более чувствуют. Этим он был похож на демонов-стражников, что нарисованы на воротах храма Тендзи, которые так долго делали устрашающее лицо, что уже никогда не смогут изменить его на другое.

С Тецуйей, как и со многими другими взрослыми, случилось нечто похожее. Некоторое время мы просто стояли, а потом так быстро поехали, что я вжался в сиденье. Прежде я никогда так быстро не ездил. Так, когда ничего толком не видишь, а машина, такое чувство, вот-вот сорвется в кювет. Но это был еще не предел. На шоссе стрелка спидометра еще дальше поползла вверх. Дождь теперь не стучал, он бил по машине. Встречные автомобили вылетали из потока воды словно чудища, безумные, с налитыми ярким светом глазами.

Неожиданно Тецуя спросил меня, не страшно ли мне? Я бы ни за что не ответил, что да. И странно, но в какой-то момент мне стало легко и свободно, и стало совершенно все равно, разобьется мы или нет. И еще, где-то в глубине души я хотел, чтобы меня вспомнили. В тот самый момент все стихло, дождь кончился.

Нет, это просто закончилась туча, из которой он шел. Я ясно увидел край неба. Ослепительно белую полосу, а за ней чистое, без единого пятнышка небо. Я тут же ощутил облегчение, словно птица, добравшаяся наконец-то до юга. Вскоре показался и город. Его высокие башни тянулись высоко в небо и напоминали гигантские пальцы руки, закопанной в землю. Я отстегнул ремень и, наклонив голову, начал всматриваться.

— Что, интересно? — спросил Тецуя. Он больше не гнал, а ехал спокойно. — Подожди, сейчас все увидишь.

Первое, что я для себя выделил: город — чрезвычайно шумное место. Непонятно, как здесь можно на чем-то сосредоточиться. Все вокруг как будто кричит: «посмотри на меня». Посмотри на меня. При этом зачастую мешая друг другу. Не давая друг другу дышать. Люди идут сплошной волной, я и не ожидал, что их может быть столько много. Тем, кто слишком спешит или идет слишком медленно, сигналист машина. Водитель и пешеходы ругаются.

Посреди стеклянных высоток, прислонившись к торговому центру, стоит старое здание, такое маленькое, что с окружающих крыш его невозможно увидеть, а из его окон нельзя увидеть, где начинаются и кончаются крыши. И все это под веселую музыку из кафе, новостей, бегущих строкой. Голоса, голоса и гул двигателей.

Теперь стало понятно, почему по телевизору часто показывают, как люди в городе сходят с ума. Каким же должен быть человек, чтобы его здесь услышали?

Захотелось уехать, а через секунду, заинтересовавшись чем-то случайным, снова остаться. Видимо, город тем и отличается от деревни, что в нем нет ничего постоянного. Даже желания едут в нем с пересадками.

Первым делом мы поднялись на смотровую площадку, на одной из высоченных башен, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Я видел город до мельчайших подробностей, но многое из того, что я видел, оставалось для меня непонятным, как будто художник решил нарисовать картину, состоящую из тысяч изображений поменьше, совершенно при этом забыв о том, что получится в целом. Я вспомнил книгу, в которой говорилось, что человечество развивается вслепую, двигается на ощупь, стараясь не обращать внимания на последствия. И понял, что устойчиво не то, что большое или тяжелое, а то, что крепко стоит, прямо как наша деревня. Хотя возможно, что я просто заскучал по ней с непривычки.

Далее, вероятно, чтоб меня удивить, мы отправились в зал игровых автоматов — Аркаду. И тут я могу сказать сразу, что среди всех шумных мест это самое шумное. Сотни, тысячи звуков соединялись с мигающим светом, образуя притягательную какофонию цвета и шума, как если бы после особо раскатистого грома пошел цветной дождь.

К тому же, тут было много молодых ребят, моих сверстников. Среди них, одетых в красивую форму частных школ, я сразу почувствовал себя неуютно, словно вдруг оказался в свете софитов. Впрочем, так, в общем, и было. Не раз и не два я ловил на себе косые взгляды, неизменно заканчивавшиеся коротким смешком.

Не могу их винить, если бы кто-то из них приехал в деревню, один, без друзей, и пришел бы к нам в класс, то местные хулиганы, конечно же, подкинули ему жука-носорога или еще что похуже. Но даже так в этих взглядах было мало приятного.

Может быть, я даже и ушел, если б не Тецуя. Удивительно, но он чувствовал здесь себя как рыба в воде. Я даже заметил, что некоторые ребята с ним поздоровались. Может быть, он и правда учитель?

Честно говоря, я никогда не питал особой симпатии к видеоиграм. И единственное, что мне понравилось — это симулятор бейсбола: когда специальная машина стреляет в тебя бейсбольным мячом, а ты должен отбить, да так, чтобы мяч угодил в железный щиток, подвешенный высоко-высоко с надписью «хоум ран» посередке. Правда, ни я, ни Тецуя с этим не справились. Но было безумно весело. Особенно наблюдать за тем, как Тецуя с важным лицом, закатав рукава, промахивается раз за разом. Хотя в один момент у него почти получилось, мячик краешком зацепил нужный щиток, но тот покачулся и только. Он бросил биту на пол.

Покидая Аркаду, перед самым выходом я заметил трех девушек, школьниц. Наверяд ли старше меня. Они держали в руках модный журнал и о чем-то переговаривались. Случайно я встретился с одной из них взглядом. Из всех троих она была самой хорошенькой. С рыжими волосами до плеч, вздернутым носиком и живыми, полными счастья глазами. Черт знает, зачем ей понадобилось оторвать взгляд именно тогда, когда я проходил мимо. Или мне посмотреть на нее. Но это случилось, мы встретились. Встреча эта продлилась на долю секунду дольше, чем требовалось, и это, конечно, заметили. Подружки вокруг нее, прикрывшись журналом, таинственно засмеялись. Мне же обзор заслонил Тецуя. Он посмотрел сперва на меня, потом на девушку, потом опять на меня и снова на девушку.

— Что, понравилась? — сказал он с такой самодовольной улыбкой, что мне захотелось его непременно ударить. — Ничего такая. Симпатичная. Эй, Юкине, ты так и уйдешь? В твоем возрасте нельзя быть уже таким скромным. Давай познакомимся. Я тебя научу. Это несложно.

Он поднял руку и помахал девушкам, выкрикнув: «Эй!»

Тут я не выдержал и все-таки ударил его. Все, кроме меня, засмеялись.

Дальше подробно рассказывать нет особого смысла. Из Аркады мы отправились прямо в кафе.

Выражение лица у Тецуи было такое, что я того и ждал, что он начнет кричать «жених и невеста, жених и невеста», как делают школьники даже не в старших, а в средних классах.

После зашли посмотреть телефоны. Меня снова поразило, сколько знает Тецуя. Как хорошо он разбирается в играх, в новинках меню, в телефонах, словно передо мной был не взрослый, а самый настоящий ребенок, подросток, такой же, как я. В самом конце, вечером, когда мы уже держали путь обратно из города, на перекрестке внутрь машины заглянула женщина. Не церемонясь, она сначала положила руку Тецуе на плечо, а только потом начала говорить, растягивая каждое слово как кошка. Я особо не слушал. Только заметил, что Тецуя тоже изменился и стал таким противно любезным, хоть вырви.

— Так ты не один? — произнесла женщина. — Кто твой маленький друг?

Я посмотрел на нее. Сперва я ее не узнал, макияжа она не жалела, но, когда присмотрелся... Да это же дочь старика Саказуки! От удивления я даже забыл сказать «здрасьте».

— Симпатичный, — сказала она. — Познакомишь?

— Мы торопимся, — отозвался Тецуя, серьезно, безо всякой слащавости.

— Но ты не забывай. Заходи иногда. Адрес тот же. — Ее рука змеей соскользнула у него по руке. — И тебе пока, мальчик.

Тецуя даже не взглянул на нее.

Не было никаких сомнений, это точно была она, дочь старика Саказуки — Аканэ. Она уехала из деревни лет восемь, а может быть и десять, назад. Дедушка говорил, что ее отец, то есть старик Саказуки, выгнал ее за плохое поведение из дома, и строго-настрого велел держаться от нее подальше, и ни за что с ней не разговаривать. Что это за плохое поведение и почему не разговаривать, он так и не уточнил.

Впрочем, с того времени никто об Аканэ ничего больше не слышал, до этого самого дня. Конечно, мне было страшно интересно узнать, откуда они с Тецуйей знакомы, но внутренний голос подсказывал, что мне не ответят. Пришлось оставить свой вопрос при себе. Первым заговорил Тецуя.

— Знаешь, тебе надо было познакомиться. Я имею в виду — с той девочкой в зале.

— Как-нибудь в другой раз, — не сводя глаз с дороги, сказал я.

Не знаю, зачем он вообще об этом заговорил. Когда там, в зале, мы оба вели себя как подростки, мне нравилось больше. Могу поспорить, в этой перемене виновата Аканэ. В этом назидательном тоне и виде, как будто я чего-то не понимаю. А я все понимаю.

И вообще, ничто так не задевает ребенка, как то, когда с ним говорят о серьезных вещах, как будто он еще маленький. Если так, то и не говорите со мной. И ладно, когда бы я сам об этом спросил. Но нет, обычно они начинают сами. Ловко сглаживая углы и обходя острые темы, такие разговоры обычно заканчивают словами «вырастешь, сам все поймешь» или еще хуже: «объяснять тебе сейчас нет никакого смысла». Как тут можно слушать, что тебе говорят?

Так или иначе, Тецуя тем временем продолжал. Он говорил о том, что нужно быть смелым, что чувства — это не что иное, как вызов, и что так я могу потерять нечто важное. Он говорил, говорил все эти странные вещи, и я, наверное, так и не стал бы его слушать, если бы он раскрыл мне секрет. Секрет, как нравится девушкам. Помню, он специально наклонился и прошептал мне его очень тихо, как будто в быстро едущем автомобиле нас кто-то еще мог услышать. Секрет, как

быть романтичным. Романтичным. Как это — до сих пор представить себе не могу. Очень смешно. Но когда ты остаешься один на один с девушкой, то уже не до смеха.

Как предупреждение в небе показалось серое облако, а за ним еще и еще. Мы возвращались.

— А как у тебя было, это самое важное? — спросил я, поразмыслив. Слова Тецуи не были лишены смысла.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Ранее ты говорил, что я своей нерешительностью могу упустить нечто важное.

Тецуя задумался. Видно было, что он и не против мне рассказать, но, с другой стороны, ему что-то мешает. Так выглядят люди, когда им надо перейти неглубокую реку, но они боятся намочить брюки. Я приготовился ко лжи.

Он начал рассказывать издалека, о времени, когда я еще не родился, а он был только студентом. Тогда, в это трудно поверить, у него были светлые волосы, в ушах клипсы, а на пиджаке не хватало нескольких пуговиц. В тот день, в три раза солнечней, чем сегодня, они плыли с другом на лодке. Настроение у обоих было не очень, потому что оба провалились на одном из экзаменов. И обоим грозило остаться на дополнительные занятия летом. Но это, как сказал Тецуя, была не его вина, просто дело все в том, что его преподаватель мистер Уэда его невзлюбил. Этот Уэда, как я понял, вообще был плохой человек. Специально задавал вопросы, на которые студенты не знали ответа. Это что-то вроде комплекса учительской неполноценности. Так вот, в тот день он с другом и с дурным настроением плыли по озеру, как вдруг из-за вечно рыдающей кроны деревьев показалась другая лодка, а в ней три старшеклассницы, похожие на тех, что были сегодня. Среди них-то и оказалась та самая.

— Было такое чувство, — сказал Тецуя, — как будто в темноте вдруг загорелась палочка ладана.

Это было похоже на наваждение, не помня себя, он схватил весла и, не обращая внимания на испуганные вопли друга, направил одну лодку в другую. Раздался удар. Одна из лодок перевернулась. Так он и познакомился с Араси. Араси значит шторм, удивительное совпадение. Тут он замолчал, как бы подчеркивая, насколько глубоки и серьезны были их чувства.

— Что с ней стало теперь? — спросил я.

— Ее больше нет. Точней, той ее больше нет.

— Почему? — задал я лишний вопрос.

— Как тебе сказать. Просто однажды, просто однажды ты понимаешь, что рядом с тобой человек, с которым ты никогда не был знаком.

— Поэтому вы и расстались?

— Как тебе сказать. Люди расстаются по разным причинам, одни, потому что не видят себя вместе в будущем, другие, потому что не могут вернуть все как прежде.

— А вы?

Я бы понял, если бы он сказал, что это не мое дело, или отшутился как-нибудь, как это обычно бывает.

— А мы... А мы, потому что я виноват. И потому, что один из нас оказался просто-напросто душой.

Он засмеялся. Горько так, как соленая вода в море.

— Остановите, — сказал я.

— Что?

— Вы ведь сейчас говорите о ней? — я вернулся к «Вы» и сам того не заметил. — Остановите, пожалуйста.

— Юкине....

Машина дернулаась вперед, остановилась. Я вышел. Тецуя также вышел за мной. — Юкине... — повторил он.

Некоторое время он медленно ехал за мной, видимо, надеясь, что я передумаю. Но я с упрямством шел вперед, не оглядываясь, так что он в конце концов сдался, и белый автомобиль, обогнав меня, скрылся из виду. Я сразу остановился.

Внутри у меня все болело, словно у меня на груди лежал острый камень, который давил и колот одновременно. Где-то высоко в небе прогремел гром. Я поднял голову: почему же так больно? Можно было подумать, что причина кроется в оскорбительных словах Тецуи, но это не так. Дело было вовсе не в словах, а в голосе. Голосе, по которому было понятно, что они действительно были вместе.

То, что раньше было догадкой, теперь стало реальностью. Такое чувство, как будто ты узнаешь, что твой Бог любит кого-то больше тебя. Значит то, что я сейчас чувствую — ревность? Мне стало не хватать воздуха... Неудивительно, что от нее сходят с ума. Это страшная сила, которая толкает тебя вперед, словно ветер, но это и шторм, который может порвать паруса.

Идти в таком состоянии домой не было смысла. Мне было от всего тесно, от людей, от воздуха, даже от неба, и я устремился вперед. Шел и шел, почти что бежал. Точно, как в детстве, когда убегал из дому, чтобы увидеть отца. Остановился я только у моря, на том самом пляже, где мы лежали с Миюки. Я нашел камень и бросил его прямо в море. Море забрало его, а через два камня и часть моей боли. Какое же оно все-таки невероятное, море.

Успокоившись, я решил прогуляться. И шел спокойно вдоль берега, говоря себе, что «все будет хорошо» или «все не так плохо». Как вдруг я увидел утес, а наверху тот самый камень в форме сидячего человека. «Он хорошо бы смотрелся в саду» — вернулась ко мне давно позабытая мысль. Поэтому, взяв себя в руки, я отправился прямо к нему. Но на этот раз все было уже не так чтобы просто. Намокшие после дождя камни стали скользкими и за них стало гораздо труднее держаться. Несколько раз я соскальзывал, и каждый раз горстка мелких камушков пугающе падала вниз. В последний раз это случилось на самом верху, и я буквально почувствовал, как падает мое сердце. Возможно, это и вправду было дурацкой идеей.

Но выбора не было, я ухватился крепче и, несмотря на риск сломать шею, оказался на самом верху. Какой тут был вид! Неудивительно, что этот «человек» решил здесь остаться. Я сел рядом. Прямо под нами нежно пенилось море. Глядя на него отсюда, казалось, что не оно точит гору, а, напротив, гора медленно опускается вниз. Таким мягким оно представлялось, цвета древесной смолы, точно как солнце там, вдалеке.

Смеркалось. Пришла пора возвращаться. Я поднял камень, он оказался гораздо тяжелее, чем можно подумать, и стал медленно сползать по отвесному склону. Осторожно, шаг за шагом, медленно, медленно. Контролируя каждую мышцу, каждое действие. Как вдруг моя нога соскользнула, и я вместе с камнем полетел вниз.

Очнулся я лежа на больничной кровати, и первое, что увидел, было испуганное лицо Миюки, а сразу после — семь пальцев. Помню, я спросил у семипалого в белом халате, где камень в форме сидящего человека? И так и не услышав ответа, опять отключился. Честно говоря, события второй половины того дня я помню плохо, и в основном из рассказов.

Знаю, что в больницу меня привез Тецуя, а Миюки ему помогала. Как они меня нашли — не знаю. Возможно, он, передумав, вернулся за мной, или она случайно находилась в это время на пляже, я это так и не выяснил. Но одно я знаю наверняка: они оба провели ту ночь рядом со мною в больнице.

На следующее утро пришел дедушка, он очень волновался и не успокоился даже тогда, когда доктор сказал, что со мной все будет в порядке. Травма, к счастью,

оказалась не такая серьезная, поэтому меня выпишут через неделю, в крайнем случае две, это если я захочу прогуливать школу, но дедушка никак не унимался, поэтому Тецуя, чтобы ничего не случилось, пришлось его увезти.

Я посмотрел на Миюки, вид у нее был уставший. И хотя она старалась скрыть это за бодростью духа, видимо, потому, что доктор сказал, что мне нельзя волноваться, я отчетливо ощутил, как больно у нее в эти минуты было на сердце, словно разом открылись и закровоточили старые раны. И виноват во всем этом был я. Стыдно признаться, но в тот момент я расплакался. Слезы текли у меня из глаз такие большие, что я чувствовал, как они падают.

Когда она обхватила мою голову руками, я только и мог сказать:

— Извини.

— Не пугай меня больше, — сказала она.

Скоро вернулся Тецуя, в руках у него был пакет, полный всякой еды. Особенно много было в нем сладостей. Когда Миюки это увидела, то рассердилась и, не вставая с кровати, стала его укорять. Сказала, что мне нельзя есть столько сладкого, сахар вреден, и что Тецуя ничего в том, что нужно ребенку, не понимает. Тут она замолчала.

А он только кивал головой и тайком мне подмигивал: дескать, пусть говорит что ей вздумается, пакет-то я все равно здесь оставляю. Сцена эта меня насмешила. Хоть я и ощутил укол ревности от того, как он легко с ней общается. И виноват в этом тоже был я. Кончилось все тем, что они оба уехали, обещая заглянуть поздно вечером и привезти «настоящей еды».

В больнице я провел почти две недели и каждый день у меня были гости. Приходил Тецуя, неизменно с полным пакетом. Многое из того, что он тогда приносил, я в жизни не видывал. Особенно мне запомнился огромный набор из ресторана суши. Правда, он был таким заметным, что я не мог бы съесть его в одиночку, пришлось делиться. Помимо Тецуи заходили дедушка или кто-то из моих одноклассников и передавали мне задание на дом. Даже здесь я не переставал заниматься, и все потому, что твердо решил для себя уехать жить в город. Надо сказать, что после поездки это желание загорелось во мне с новой силой. Но порой, особенно когда дедушка рассказывал о том, что в храме опять течет крыша, или о том, что старик Саказуки передал мне «привет», мне было стыдно.

Чаще других меня навещала Миюки. Как и Тецуя, она с чего-то решила, что больного надо непременно кормить, только еда, которую она с собой приносила, была не купленной, а приготовленной вручную, семейной. Мы с дедушкой, понятное дело, такое никогда не готовили. Надо ли объяснять, что я ел с удовольствием.

Однако самым любимым был момент, когда она мерила мне температуру. Дотронувшись до лба ладонью и всегда сомневаясь (женщины, как я позднее узнал, вообще всегда сомневаются), она в итоге, убрав руку, касалась моего лба губами. Мгновение замирающих чувств, когда я не мог разглядеть стрелки часов, висящих напротив. Помню, поначалу я нервничал, затем глупо улыбался, а потом, сам того не заметив, стал закрывать глаза. Уходила она, как правило, только после того, как я вынимал градусник.

Домой я вернулся ровно за день до весеннего фестиваля, когда на холме уже высилась деревянная сцена, а на подступах к ней паутиной выстроились улочки из деревянных прилавков. Небо вдоль и поперек перерезали линии цветастых флажков. А большие шары, которые выгружали с машины, были фрагментами фейерверка. Все было подготовлено к празднованию, но это, даже помноженное на двадцать, было не важно. Главным было обещание Миюки провести завтрашний вечер вместе. Я посмотрел в зеркало. Пусть она и увидела во мне ребенка, но я-то нет.

К Миюки я зашел вечером, она только-только закончила работать в саду, поэтому вид у нее был уставший. Я испугался, что она решит отдохнуть и никуда не пойдет. Но она улыбнулась, и я сразу понял, что все будет в порядке. Хотя, если подумать, то, что я только что испытал, оказалось не чем иным, как эгоизмом.

— Юкине, — позвала она меня из комнаты в конце коридора, — ты случайно не знаешь, что с ним случилось?

Когда я подошел к ней, то понял, что она имеет в виду — электронагреватель для ванной.

— Он сломался вчера, а мне бы не помешало помыться.

Не одно, так другое. Я начал осматривать бойлер, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что дела плохи.

— И как? — спросила она.

— Беда, боюсь, что быстро его не починишь, — я выждал немного, дав ей время расстроиться, а после добавил: — Но ничего, у меня есть решение.

Примерно минут через двадцать из одной стены дома клубами валил дым. Закрывая лицо рукавом, чтобы им не дышать, я подкидывал в пламя заранее собранный хворост.

Дом, как я уже говорил, был старый и, конечно, в нем была ванная печь. Огонь в которой тем временем все разгорался и разгорался, пока не вырос настолько, что мог преспокойно гореть сам, не нуждаясь в моей поддержке.

Я сел. В мире существует не так много вещей, на которые можно смотреть бесконечно. Первое — это как, подпрыгивая на деревянном крыльце, идет дождь, второе, когда быстро, быстрее чем можно представить, плывут облака, и, наконец, третье, это, конечно, когда горит пламя. Все это прекрасные вещи.

Как замороженный, я подкинул дров еще, а когда они затрещали, вдруг забеспокоился о том, как бы вода не стала слишком горячей. Я поднялся на ноги, чтобы спросить, не слишком ли крутой кипяток получился?

Но кто ж мне сегодня поверит? В маленьком прямоугольном окошке, в клубах пара я увидел ее. Всего лишь спину. Красивую белую спину. Но я до сих пор считаю, что это было самое интимное, что я когда-либо видел. Невысказанный вопрос так и остался невысказанным. Я умер и возродился опять, наблюдая за тем, как рука вместе с губкой, неторопливо сползая по шее, огибает контур плеча. И как затем по безупречной коже струями стекает вода. Плеск воды — и картина повторяется снова. На третий раз Миюки слегка обернулась, едва заметный поворот головы, и я, словно вор, моментально пригнулся. Сердце мое запрыгало, застучало, на лбу выступил пот, и ноги у меня онемели. Не знаю, видела она меня или нет. Наверное, нет, иначе бы она, разумеется, вскрикнула. Но если и видела, то промолчала.

Ее не было очень долгое время. настолько долгое, что я даже решил, что она думает, как бы сказать мне, что она никуда не пойдет. Все-таки я поступил неправильно.

«Юкине, я никогда не подумала бы, что ты будешь подсматривать, — скажет она, — а я тебе верила. Наверное, из таких как ты и вырастают потом те, кто прижимается к женщинам в общественном транспорте. Отныне я не хочу, чтобы нас видели вместе».

Она была права, это было ужасно. Откуда ни возьмись появился Тецуя, улыбающийся странной улыбкой.

«Я сразу почувствовал, что с ним что-то не так, — скажет он, усаживая Миюки в машину, — не стоило тебе с ним связываться».

А как расстроится бабушка, когда об этом узнает. От такого позора я буду вынужден уехать из дома. Отправиться туда, где меня никто бы не знал. Там я встречу

Аканэ, родственную, падшую душу, ставшую, как и я, жертвою обстоятельств, мы женимся и будем жить вместе.

Тут я не выдержал и замотал головой, чтобы избавиться от неприятных, словно вороны, мыслей.

Появилась Мюки. На ней было темное синее кимоно с голубыми цветами, подвязанное широким поясом темно-красного, почти что кровавого, цвета. В руках у нее была маленькая круглая сумочка, добавившая традиционному образу элемент современности. Увидев ее, я выронил хворостину, которой в ожидании рисовал по земле.

— Юкине, — позвала она, — посмотри и скажи, как я выгляжу?

— Замечательно, великолепно, — сказал я.

— Правда? Сто лет не надевала юката. Пойдем? — она протянула мне руку.

Сумерки. Громкие звуки фестиваля разносятся далеко по округе, слышится смех и манящие крики торговцев. Играет спокойная музыка. Воздух согрет теплотой весеннего вечера и счастливых сердец. Горят фонари. Взявшись за руки, мы отправились гулять между рядами. Надо сказать, что никто из окружающих не обращал на нас никакого внимания; когда людям весело, то мир их становится одинаково маленьким, избирательным, как свет фар в темноте. И только одна маленькая девочка тоже в юката, но розовом, не замечая ничего перед собой, на бегу столкнулась с Миоки, упала и тут же расплакалась, но не от боли, а от того, что сладкое угощение, яблоки в сахаре, упало на песок и запачкалось. Пришлось ей купить новое.

— Спасибо, — сказала она, у нее получилось «спафибо», и тут же скрылась из виду.

Неожиданно меня кто-то окликнул.

— Юкине, Юкине, это ты?

Я заглянул внутрь соседней палатки и увидел там — кого бы вы думали? — старика Саказуки. Он сидел, поджав ноги, и курил длинную трубку, а на голове у него была старая шляпа. А перед ним в невысоком аквариуме, отливая золотом, плавали рыбки.

— Юкине, — повторил он, — хорошо, что ты не забыл и все-таки пришел взглянуть на моих рыбок. Гляди, какие красивые. Особенно эта. — Он указал на одну, у которой по бокам имелись черные полосы.

— Я зову ее Тора, что значит тигр. А это кто с тобой? Что за красавица? Твоя девушка? Надо же, как быстро ты вырос. Того и гляди, скоро на свадьбу меня позовешь.

— Миоки, — представилась моя спутница.

— Очень приятно. Хироси Саказуки, или старик Саказуки, как зовут меня эти негодники. Между прочим, в молодости я был очень красив и передо мной не могла устоять ни одна женщина. Еще в школе меня прозвали Демон-красавец. Так, о чем это я. Ах да, не хотите попробовать выловить рыбку? Ручаюсь, мои рыбки самые лучшие отсюда и до самого города, а возможно и в целой Японии. Ну же, попробуйте.

Сказав все это, он протянул ей бумажный сачок.

Миоки посмотрела на меня. Я кивнул.

Плеск воды. Закатав рукава, Миоки пыталась поддеть одну из множества рыбок, спокойно круживших прямо перед ней. На первый взгляд казалось, что сделать это проще простого, но при каждой попытке сачок предательски рвался. Она так увлеклась, лицо ее покраснелось, а темные глаза загорелись. В тот момент она была похожа на ту девочку со сладкими яблоками или Тецую в зале игровых автоматов. И чего я о нем сейчас вспомнил, да еще и в такой неподходящий момент. Я даже немного разозлился на себя за это.

— Ох-ох, — закрихтел старик Саказуки, — так у вас ничего никогда не получится. По вашим движениям сразу видно — не местная.

— Нет, — отозвалась Миюки.

— Я так и понял, из города небось к нам приехали?

Она ответила: да.

— Я так и думал. Говорил же, что когда-нибудь наступит такое время, что люди начнут приезжать к нам обратно. А то все в город, город. Что там в этом городе делать? Вот скажите, ну что?

— Ничего, — неловко улыбнулась она.

— Вот и я говорю: ничего. Юкине, давай присоединяйся, хватит смотреть, помоги госпоже выловить рыбку.

Я взял сачок и под непрекращающееся ворчание старика Саказуки стал смотреть в воду.

— Думаете, я не жил в городе? — вопрошал он. — Конечно же, жил. И машина у меня была, и квартира. Но знаете, как-то в один момент мне хватило решимости бросить все и вернуться в Долину. Да, дело давнее, не смог я жить в таком месте. Вокруг столько шумят, столько шумят, что не слышно себя, и так много всего происходит, что в конце концов перестаешь что-нибудь замечать. Все стирается, теряет значение...

— Поймал! — неожиданно перебила его речь Миюки. — Он поймал!

Ловким движением я выловил рыбку и бросил ее в наполненный водой прозрачный пакет.

— Молодец, — похвалил меня старик Саказуки, — когда я был помоложе, то тоже так мог. А теперь руки...

Он выставил вперед покрытые крупными венами старые руки.

— Покажи мне, как ты это делаешь? — взмолилась Миюки, — я тоже хочу.

Я показал, выловив еще одну рыбку и отправив ее туда же, где первая. Миюки снова попробовала, но рыбка, казалось бы, уже попавшаяся в объятия сачка, предательски соскользнула обратно. Тогда, чтобы она не расстроилась — сам не знаю, как так получилось: то ли атмосфера праздника на меня так подействовала, то ли то, что я ловил рыбок лучше нее, — я сел сзади нее, взял ее руки в свои и сказал, чтобы она затаила дыхание. Мы замерли вместе. Застыли. Затем, двигая ее рукой, я попытался поддеть ближайшую рыбку и... И, конечно, с первого раза у меня это не вышло. Зато вышло со следующего, и не как-нибудь. Уловом стала именно полосатая рыбка. Миюки аж вскрикнула от удовольствия. От этого вскрика я опомнился, пришел в себя и чуть не упал. Хорошо, что Миюки рассматривала рыбку и не обернулась. Я покраснел.

— Да, так держать, — радостно объявил старик Саказуки и даже похлопал в ладоши.

Его поддержала толпа, неожиданно взорвавшаяся одобрительным гулом. Затем заиграли огни, и со сцены раздался оглушительный стук барабанов. Они рычали и плакали, бежали и замирали, шли строем и через секунду уже разбежались. Но так или иначе рвали тишину на миллионы и миллионы мелких кусочков.

Старик Саказуки, не говоря больше ни слова, потому что говорить в таком шуме было бессмысленно, протянул нам пакет с тремя рыбками. Мы распрощались. Я обернулся и увидел, что он, привстав, смотрит нам вслед, а на лице у него как будто: «Ну что же там делать?»

Глядя на него, меня кольнула мысль, что, может быть, стоит рассказать ему об Аканэ. Что я ее видел и что с ней все в порядке. Но, подумав немного, я решил, что лучше не стоит. Лучше не станет, а старые раны откроются. Знаю, это было трусливо, возможно, даже по-взрослому «не тревожить других, чтобы не трево-

житься самому», но не стоит забывать, что в тот момент, с рыбками на руках, я был по-настоящему счастлив. Мой мир, мир для двоих, он был маленьким.

Фестиваль продолжался, медленно, но верно двигаясь к своей кульминации. Взяв по жареному угрю, мы отправились прямо к реке, где в ожидании фейерверка и без нас было много народу. Кроме нашей деревни тут собрались жители еще двух деревень по соседству. Поэтому, что бы ни происходило, в тот момент у реки ничего не было видно. Пройдя вдоль берега и осмотревшись, мы так и не смогли найти хорошее место. Будь я посильнее, то несомненно предложил бы Миюки сесть мне на плечи, как это делают на рок-концерте. Но я никогда не был особенно сильным, к тому же не был уверен, что Миюки это понравится. Неожиданно мне припомнились слова Тецуи и в голову пришла одна интересная мысль. Я схватил Миюки за руку.

— Пойдем, — сказал я, — у меня появилась идея получше.

— Что? Юкине? Куда? Я хотела фейерверк посмотреть.

— Я знаю.

— Подожди, мой угорь! Ой!

Мы пошли прочь, оставив фонари догорать без нашей компании. Некоторое время нас еще преследовал гром барабанов, но потом стих и он. Вокруг нас была теперь только роща. Не разжимая руки, я тянул ее вверх за собой по узкой тропинке.

— Юкине, ты скажешь, куда мы идем?

— Мы должны поспешить. Скоро начнется.

— Юкине, постой, подожди. У меня гета порвались.

Она подняла ногу, и я увидел, что сандалия у нее и правда болтается на одной лямке.

— Боже мой, — сказал я.

Она рассмеялась.

— Что будем делать?

Я снял свои кеды и предложил ей. Она надела их со словами: «Не знала, что у тебя такая большая нога. Я правда выскальзываю».

— Не нравится, можешь вернуть.

— В чем же тогда я пойду?

— Я могу понести тебя на спине, как старушку.

— Ну уж нет, я потерплю. Юкине, так ты скажешь, куда мы идем?

Я снова взял ее за руку. Так мы оказались не вершине холма, откуда прекрасно было видно и реку, и другой берег, где высился темный горбатый холм, похожий на этот. Тогда мне подумалось, что вместе они, должно быть, напоминают красивые женские груди. Отсюда же можно было увидеть деревню, похожую издалека то ли на светлячков, собравшихся возле воды, то ли на искры, оставшиеся после костра.

— Какой замечательный вид, — сказала Миюки, садясь на траву.

— Я нашел его в детстве, когда убежал из дому.

— Ты убежал из дому? Но почему?

— Да, в детстве я часто так делал, чем пугал дедушку, — сказал я, опускаясь на землю, — я думал, что если зайти достаточно далеко, то встречу родителей, прямо как в сказке.

— Когда я была маленькой, я тоже искала родителей. Думала, что мои папа и мама ненастоящие. Хотя они всегда очень хорошо ко мне относились. Переехали в город из-за меня. Наверное, в тот момент мне просто-напросто не хватало друзей. Помню, когда папа узнал, то не решил, что с этим делать, он так растерялся, что стал говорить мне, что это не так, достал документы, позвал маму, было очень смешно. В итоге меня на неделю оставили без сладкого. Это было очень жестоко с их стороны.

Смеется.

— Я слышал, что дети часто придумывают себе воображаемых родителей. Специалисты говорят, что это из-за одиночества.

— Одиноким людям неодиноким в своем одиночестве, правда, Юкине?

— Да, — сказал я.

Тут она посмотрела на меня очень пристально, слегка наклонив голову набок, как делают, когда хотят понять, что у тебя на уме, или намереваются заглянуть в самую душу.

— Знаешь, ты напоминаешь мне одного человека, — повторила она то, что сказала раньше на пляже.

Я снова подумал о Тецуе, но на всякий случай спросил:

— Кого? Кого я напоминаю, Миюки?

— Одного человека, — ответила она и улыбнулась, — одного мальчика чуть младше тебя.

— Он чем-то похож на меня?

Подул ветер и хоть на небе не было ни облачка, возникло такое чувство, что где-то, оставляя круги на воде, идет дождь.

— Да. Такой же добрый и светлый человек, как и ты, к тому же еще большой выдумщик. Только вредный, но этим он похож на отца.

— А где он сейчас?

— Далеко, очень далеко, в другом городе.

По тому, как она это сказала, я понял, что его больше нет. Молчание.

— Что с ним случилось?

— Пожар, — сказала она, — знаешь, когда делали ремонт, то рабочий случайно пережал идущие в стене провода. Пламя разгоралось за стеной незаметно. А он любил спать днем. Родители никак не могли заставить его ложиться, как все нормальные люди. В общем, когда приехал отец, было уже слишком поздно.

Пауза.

— Тут, наверное, полагается плакать, — сказала она после молчания, — прости, что испортила тебе праздник.

Она отвернулась так, чтобы я не мог увидеть ее лица.

— Ничего, — сказал я, — ничего.

И все. Мне нечего было больше добавить. Чувство дождя уступило место ощущению уходящего грома.

Неожиданно в небе взорвался снаряд, и все вокруг стало на мгновение красным. Красным стало и лицо Миюки, и мои руки. Я посмотрел ей в глаза, в них горели и гасли огни.

Начался фейерверк. Цветные шары взрывались один за другим, то расцветая в черном небе подобно цветам, то падали вниз подобно ветвям плачущей ивы.

Стало спокойно. Незаметно в душу закралось ощущение реальности и его неизбежной конечности, словно то, что было, ушло, а то, что будет, не содержит ошибок. Как же хорошо — подумалось мне.

Неожиданно моей руки кто-то коснулся. Я повернул голову, лицо Миюки было обжигающе близко. Секунда-другая, и я даже не понял, что произошло. Так внезапно это случилось. Она поцеловала меня. Еще раз. Она поцеловала меня. Глаза мои были широко раскрыты, но я как будто ослеп. В тот момент я мог только чувствовать холодную влажность ее мягких губ. В действительности я не могу это описать, но это было так, как будто я смог поцеловать ветер. Высоко в небе взорвался огненный шар.

— Это тебе, — сказала она, — молчи, ничего не говори. Хоть ты этого и не знаешь, но ты и сад... Вы, ты очень помог мне, а значит лекарство было подобрано

верно. Спасибо тебе, Юкине. И еще, сейчас я пойду, а ты останешься здесь. Не надо меня провожать. Уверена, что я знаю дорогу. Еще раз спасибо тебе, Юкине. Спасибо тебе и прости. Не думай обо мне плохо, ладно?

Она поднялась и ушла. А я остался, не зная, что делать. Первое время я просто сидел, но счастье переполняло меня, так что вскоре я перестал чувствовать свое тело. Таким оно стало легким, почти невесомым. Найдя для себя случайно ответ на вопрос, зачем стоит жить, я лег на траву и несколько раз прокатился по ней, сгорая от радости.

Затем сел, прикоснулся к губам — то же самое ощущение влажной прохлады. Сохранилось оно и сейчас спустя один год, стоит только коснуться. Говорят, дольше всего человек помнит запахи, однако это прикосновение... я уверен, что запомню его до конца своих дней.

Тогда, сидя на зеленом холме, как на острове, проплывая мимо черного неба, я и не осознавал того, что больше ее никогда не увижу, так же, как и не осознавал того, что в тот вечер ни разу не вспомнил о бабушке.

Шли дни, каждый вечер я, как и прежде, навещался в гости к Миюки, однако теперь каждый раз меня ожидали закрытые двери. Заглядывая внутрь, в окно, я не видел ничего, кроме сложенной горкой посуды и стульев, поставленных на стол.

Так продолжалось изо дня в день, сложно было поверить, что она просто взяла и уехала, ничего мне не сказав. Толком даже не попрощавшись. Но когда я это осознал, то это было как упасть с неба на землю. И пропасть, в которую я провалился, ощущалась внутри.

Так, в бесконечном ожидании шло мое время, и незаметно наступила пора выпускных испытаний. Но было не так страшно потому, что один раз я уже бывал в городе. Учеба закончилась. Сквозь широкие окна экзаменационного центра я спокойно наблюдал за тем, как радугой скачет неоновая реклама на фоне серого неба, а когда получал результат, то позволял себе искренне улыбнуться.

Несмотря на боль, я ощутил себя снова счастливым, словно во внутренней темноте засиял фейерверк. В тот день я отправился в сад и проработал там до глубокого вечера. И когда уже собирался домой, то голос внутри меня прошептал: «Прости меня, Юкине».

— Ничего, — сказал я, — знаешь, несмотря ни на что, у нас получился прекрасный сад; глядя на него, сложно сдерживать слезы. Камни и цветы прекрасно уживаются вместе. Соприкоснувшись однажды, им уже трудно расстаться. И когда я сегодня поднял камень, то земля под ним была похожа на рану.

Затем я рассказал ей, что, к сожалению, мои оценки по централизованному экзамену оставляли желать лучшего. Но этого хватит для поступления в частный университет. Поэтому скоро меня здесь не будет. Я буду скучать по этому нашему месту. Знаешь, старик Саказуки спрашивал, что стало с Торой, а бабушка интересовался, где я тогда пропадал? Мой мир благодаря тебе стал просто огромным.

— Спасибо, Миюки.

— Неужели не боишься, — спросил Тецуя, провожая взглядом набирающий высоту самолет.

Я посмотрел на него. Несмотря на то что Миюки уехала, он остался. Я не стал спрашивать почему. Сейчас он уже не казался мне таким уж серьезным, каким был в самом начале. И разница в возрасте как будто бы перестала существовать.

Сегодня, когда мы впервые увиделись, я почувствовал нечто похожее на укол совести, но потом это прошло, и я ощутил нечто похожее на сочувствие. То, что

для меня стало началом, для него, возможно, стало концом. Значит, так оно бывает, заканчивается, переворачивается с ног на голову, словно попал в автокатастрофу, и все катится кувирком. Реальность бывает суровой. И все-таки, несмотря даже на это, я бы хотел снова это попробовать. Ощутить высоту своих чувств.

— Неужели не страшно? — повторил Тецуя свой вопрос.

— Нет, — сказал я.

— Не дури, в первый раз-то уж точно боишься. Это нормально.

Я отрицательно покачал головой.

— А я вот постоянно волнуюсь, даже лекарство тебе на этот случай купил.

Тут он и правда достал из кармана пузырек с таблетками и протянул мне.

— Вот возьми. Вдруг все-таки там испугаешься. А пить тебе пока что нельзя.

Загадочная, непонятная мне улыбка.

Объявили мой рейс.

— Ну все, время прощаться, — он снова опустил руку в карман, — постой, чуть не забыл: у меня для тебя кое-что есть. Так, мелочь, но все же. Держи, это телефон, не самая дорогая модель, конечно, но перед друзьями тебе стыдно не будет. Поверь мне. Там, кстати, есть несколько игр, если не понравится, то удали.

Он засмеялся.

— Я не могу это принять, — сказал я, — это чересчур для меня.

Но он уже взял мою руку и вложил в нее телефон. Эта его черта характера, когда он никого на свете не слушает. Я ей завидую.

— Бери, бери, — продолжал настаивать он, — там, куда ты едешь, это все равно что электронное сердце. Ты представляешь, как человеку живется без сердца?

Так или иначе, я вынужден был согласиться.

— Кстати, у меня тоже для тебя есть подарок, — сказал я не очень уверенно.

— А что там еще? Ничего мне не надо, — сказал Тецуя, глядя на мою сжатую руку.

Я разжал пальцы. На ладони лежал сделанный мной сувенир, красная кошка с золотым усами. Размером она была не больше спичечного коробка с улыбающимся выражением, как мне казалось. Собственно, именно изображение удовлетворенности далось мне сложнее всего.

— Красная кошка, значит, — сказал Тецуя, разглядывая подарок. — Сам делал?

— Да. А как ты узнал?

— Взгляд у этой кошки, в отличие от той, что была в магазине, какой-то недобрый. И, по-моему, немного косой.

— Не может этого быть!

— Сам посмотри, — он повернул кошку мордой ко мне. Глаза у нее, правда, вышли неровно.

— Видишь, она как бы говорит: «не трогай меня, поставь там, где взял». Жуткая вещь. Подожди, Юкине, не расстраивайся, конечно, возьму.

— Я знал, — сказал я с улыбкой.

— А это точно не злой амулет? Может, это какое-то проклятие? Откуда мне знать? Скажи, как с ней хоть правильно обращаться? Мне вроде не у кого прощения просить.

— Всем, кто так спрашивает, дедушка обычно говорит, что путь прощения начинается с самого себя. А поставить можно куда угодно, для прощения и сострадания место не имеет значения.

— Сейчас ты говоришь как настоящий монах.

— Я где-то в глубине души он и есть.

— Шутки шутишь. Давай, беги быстрее, а то твой самолет улетит без тебя.

Снова объявили посадку.

Прощаясь, мы пожали друг другу руки, и я тут же ощутил шрамы у него на ладони. Плохо сросшийся след, никак не вязавшийся с жизнерадостным человеком. После я положил на ленту рюкзак и подаренный телефон и прошел сквозь железную рамку. Оглянувшись в последний раз, я увидел, что он что-то говорит подаренной кошке, но с такого расстояния разобрать, что именно, уже было нельзя. Но если бы меня спросили, я бы придумал, что он сказал.

— Значит, с себя, — а потом сунул кошку в карман и усмехнулся.

С тех пор мы больше не виделись. Впопыхах я забыл спросить номер его телефона, о чем, конечно, жалею.

Но тогда, тогда я первый раз поднялся в небо, облака были так близко, что казалось, протяни руку и их можно будет коснуться. Мимо проплывали белые жирафы, киты, гнались друг за другом собаки, огромная голова забытого Бога съела половину воздушного острова. Но все же облака относятся к тому явлению, которое лучше рассматривать издалека. Интересно, чем сейчас занимается Миюки? Увидимся ли мы с ней через год? Оказалось, что нет.

...Я сел на велосипед и поехал к старому дому, в кармане у меня лежал ключ. Внутри ничего не изменилось. Здесь явно никто не жил. Я прошелся по комнатам, задержавшись только в коридоре и ванной. Затем вышел в сад. Как и дом, он вернулся в свое прежнее состояние. Странно, целый год здесь ничего не происходило, но все изменилось. Возможно, так же незаметно изменился и я. Видно ли это сверху?

Только теперь я заметил, что в саду стоит новый камень, тот самый — в форме сидячего человека. Все-таки кто-то принес его сюда и оставил. Взгляд человека был направлен туда, где раньше не хватало части стены, от которой теперь почти ничего не осталось. Все стены обречены рухнуть со временем.

Мне так много чего было ей рассказать, что при встрече я не смог подобрать бы слова. Но, думаю, она знает, что у меня все хорошо.

Хотел бы и я, чтобы, несмотря ни на что, они снова были вместе. Если я и вырос, то не совсем. Я продолжаю верить в чудеса. Возможно, когда-нибудь еще я вернусь сюда. Дедушка говорит, что у каждого человека свой берег реки, но, чтобы это узнать, надо побывать на обоих.

Удачи, Тецуя.

